ЧУДОТВОРЦЫ

ОДИН ЩЕЛЧОК И ТЫ ЕРЕТИК

СЕРГЕЙ МАМЛИН

Mane Aura

Чудотворцы

«Автор»
2026

Aura M.

Чудотворцы / M. Aura — «Автор», 2026

В центре захватывающего приключения — история двух братьев, Зейна и Тобиаса, которые отправляются на поиски исчезнувшего отца. После таинственного исчезновения родителя герои обнаруживают, что обладают необычными способностями: Зейн может управлять огнём силой эмоций, а Тобиас — расшифровывать древние письмена.Следуя за загадками в отцовском дневнике, братья оказываются втянуты в опасное путешествие через дикие земли. Их путь лежит к древним тайнам чудотворцев — могущественных существ, способных изменять реальность. По дороге к ним присоединяется загадочная Элисса, хранительница древних знаний, которая знает намного больше, чем кажется на первый взгляд.

© Aura M., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Наследие из пепла 5
Глава 1. Тропа сквозь джунгли и трудности перевода 8
Глава 2. Гостиница, поджог и кулинарное наказание 11
Глава 3. Танцы посреди каньона 16
Глава 4. Лекарь-шарлатан и снайпер 20
Глава 5. Вопросы доверия 25
Глава 6. Цена лекарства 29
Глава 7. Договор с демоном 33
Глава 8. Исповедь в свинарнике 36
Глава 9. Люди не щелкают 39
Глава 10. Отцы и лебеди 43

Mane Aura
Чудотворцы

Пролог. Наследие из пепла

Часть 1. Пробуждение призрака

Пролог. Наследие из пепла

Никто не знает, когда в лесу за нашим прудом появились эти исполинские статуи. Наш отец рассказывал, что им более пятисот лет, но я не уверен, стоит ли ему верить. В конце концов, однажды он просто пропал.

До того рокового дня наша жизнь текла лениво и беззаботно. Мы с Тоби целыми днями бездельничали: лазали по вековым деревьям, обдирая колени, и ловили жирных, скользких лягушек в мутном домашнем пруду. Но каждый вечер, стоило солнцу коснуться верхушек деревьев и окрасить небо в багровые тона, отец звал нас домой. Он вытирал натруженные руки о фартук, доставал свой тяжелый, обтянутый потертой кожей дневник и начинал рассказ.

В тот последний вечер он говорил о чудесах и людях, которые их творят, — о чудотворцах. Отец утверждал, что знал одного из них лично. По его словам, это был настоящий великан ростом более двух метров, невероятно широкий в плечах, с бледными росчерками старых шрамов на груди — но без единой раны на спине. «Настоящий воин никогда не подставит врагу спину, Зейн», — строго повторял он, глядя мне прямо в глаза. Он рассказывал, что когда этот титан ударял своим огромным кулаком по земле, начиналось землетрясение, и враги в панике разбегались, бросая оружие.

Мы с братом обожали эти истории. Отец тоже расцветал, когда говорил о былом, его вечно усталые глаза зажигались молодым, лихим азартом. Но тот вечер был особенным. Когда пятилетний Тоби вдруг спросил, забавно склонив голову: «Отец, а эти статуи в лесу и чудотворцы как-то связаны между собой?», старик осекся на полуслове. На секунду он сделался очень странным, словно его обдало ледяным сквозняком, а лицо мертвенно побледнело. Он быстро, затравленно бросил взгляд на темное, неосвещенное окно, затем на нас и сухо, отрывисто ответил, что не может этого утверждать. Странно… А я-то рос с непоколебимой уверенностью, что отец знает вообще всё на свете.

Тот вечер стал последним, когда мы были настоящей семьей. Мама умерла от изнурительной болезни, когда родился Тоби, а мне было всего три года, так что отец заменял нам весь мир. И в тот день наш маленький мир рухнул. Мне тогда едва исполнилось восемь.

Уложив нас спать и поправив колючие шерстяные одеяла, отец ушел в свой кабинет. Ночь выдалась тяжелой, удушливой. Мне снился кошмар, будто из глубокой преисподней лезут жуткие костлявые монстры, пытаясь утащить меня во тьму, а я изо всех сил отбиваюсь, но пальцы не слушаются. Реальность, встретившая меня утром, оказалась куда страшнее любого сна.

Кабинет отца был перевернут вверх дном. Тяжелый дубовый стол сдвинут, любимое кресло расколото, старинные книги и свитки сброшены с полок вперемешку с разбитыми чернильницами — всё выглядело так, будто здесь шла отчаянная, яростная борьба или кто-то что-то лихорадочно искал, не щадя вещей. Самого отца нигде не было. Ни записки на прощание, ни зацепки, ни единого намека на то, что всё-таки произошло. Просто пустой, разгромленный дом, в котором сквозь разбитое стекло гулял ветер.

Осознание того, что мы теперь абсолютно одни, пришло не сразу, а лишь к вечеру, когда тени в пустых комнатах стали длинными, холодными и зловещими.

— Братик, я есть хочу… — тихо позвал Тоби, дергая меня за край рубахи. Его маленькие губы подрагивали от подступающих слез.

Оно и понятно. В последний раз мы ели почти сутки назад, как раз перед отцовским рассказом. Я сглотнул горький, подступивший к горлу ком и решил: надо брать всё в свои руки, я же старший. Порывшись на опустевшей, холодной кухне, я отыскал несколько яиц, кусок черствого серого хлеба и сморщенный обрубок бекона. Пожарить всё это казалось делом нехитрым — уж точно проще, чем поймать шуструю лягушку в пруду.

Ох, как же я ошибался. Огонь в глубоком очаге никак не хотел разгораться. Спички ломались одна за другой в моих дрожащих пальцах, сырые дрова лишь слабо чадили, выедая глаза едким дымом. Проклиная всё на свете и утирая злые слезы пополам с сажей, я уже готов был завыть от безысходности и страха, как вдруг мне в голову пришла мысль о тех самых чудотворцах из вечерней сказки. Вот бы они пришли прямо сейчас и спасли нас. Помогли бы разжечь этот чертов огонь, обняли бы, сказали, что всё будет хорошо…

Но это было настолько же невероятно, насколько летучей свинье попасться в рыбацкую сеть. Мы жили глухо, в милях от ближайшей деревни, чудотворцев я никогда в глаза не видел, да и верить в сказки из отцовских рассказов перестал лет в пять, когда понял, что магия не лечит смертельные болезни вроде той, что унесла маму. С какой стати им приходить к двум голодным сиротам? Зачем мы им?

Прошло полчаса, а может и целый час в бесплодных попытках развести огонь. Когда последняя спичка с тихим хрустом переломилась в моих руках, я от чистой, звенящей ярости и отчаяния просто стал бездумно и зло щелкать пальцами. Эта привычка у меня была, сколько себя помню. Она всегда помогала мне успокоиться — будто каждый щелчок сбрасывал по капле лишнюю злость.

Как это произошло, я не понял, но через некоторое время после каждого щелчка дрова словно бы начинали дрожать. Может от злости на самого себя, а может от безнадеги, но я стал щелкать еще сильнее и вдруг из кончиков моих пальцев сорвались настоящие, живые крошечные искры, янтарные и злые. Щелканье — и пламя наконец с треском разгорелось, жадно облизывая поленья. Я замер на коленях перед очагом, забыв, как дышать, не веря собственным глазам, и тупо смотрел на свои ладони, которые всё еще покалывало, словно от сотен мелких иголок.

— Зейн, ты не знаешь, что это за символы? — вырвал меня из оцепенения тихий голос брата.

— Какие символы? — не понял я, судорожно пряча руки за спину и оборачиваясь.

— Ну вот эти, смотри, — Тоби сидел на полу, прижимая к коленям отцовский дневник и показывая на странные, угловатые, глубоко выбитые знаки на кожаной обложке.

У меня перехватило дыхание, а сердце пропустило удар. Дневник?

— Где ты его нашел?! — я напрочь забыл про шкворчащий на сковороде бекон и подлетел к брату.

— Он лежал у меня под подушкой… Наверное, отец спрятал его перед тем, как… уйти.

Странностей становилось слишком много, и они давили на плечи неподъемным грузом. Пропадает отец, кабинет разгромлен в щепки, а то, чем он дорожил больше всего на свете и никогда не выпускал из рук, оказывается припрятанным под головой его пятилетнего сына.

— Помню, отец показывал мне их, но я тогда не запомнил, — пробормотал Тоби, бережно проводя маленьким пальчиком по глубоким бороздам знаков. — Наверное, это совсем другой язык.

Он немного помолчал, как бы обдумывая свои мысли.

— Если это буквы, мы сможем их когда-нибудь прочитать? — глаза брата внезапно загорелись упрямым, совершенно недетским огнем, который даже испугал меня. — И, может быть, мы узнаем, куда делся наш отец?

— Возможно, — тихо ответил я, все еще баюкая покалывающие пальцы, внутри которых ворочалось чужое, пугающее тепло. — Но я никогда не понимал, как вообще можно читать эту абракадабру.

— А я хочу попробовать. И я попробую, Зейн. Чего бы мне это ни стоило.

Глава 1. Тропа сквозь джунгли и трудности перевода

Глава 1. Тропа сквозь джунгли и трудности перевода

Десять лет пролетели как один затяжной, тяжелый и изнурительный сон. Тот испуганный восьмилетний мальчишка, который не умел разжечь очаг и плакал над сырыми дровами, остался далеко в прошлом. Годы одиночества и борьбы за выживание выковали из меня совсем другого человека. Теперь я крепко стоял на ногах, умел читать следы и карты, обращаться с тяжелым охотничьим ножом и, что самое главное, практически научился контролировать своего внутреннего «демона». Почему практически? Потому-что иногда, в порывах злости или отчаяния я так же по привычке щелкал пальцами. Хорошо, что ничего не спалил еще. В моменты, когда мной одолевало отчаяние, злость или любая другая сильная эмоция, когда пальцы начинает нестерпимо покалывать, а вокруг ладоней беспричинно загораются янтарные искры — нужно просто сделать глубокий, размеренный вдох, сжать кулаки и взять себя в руки. Моя маленькая пугающая тайна росла вместе со мной, но главная загадка нашей жизни по-прежнему оставалась запертой за семью замками в старом отцовском дневнике.

Что же до Тобиаса, он совершил то, что я считал чистой воды безумием. Все эти десять лет он буквально бредил записями отца. Брат засыпал и просыпался с этой проклятой книгой, тратил каждую заработанную нами монету на редкие, полуистлевшие свитки и словари, которые нам удавалось с трудом выменять у бродячих торговцев. Он сутками сидел при свете огарка свечи, бледный, с темными кругами под глазами, исписывая сотни клочков бумаги. И в конце концов он взломал этот чертов шифр. Дневник отца наконец-то заговорил.

Записи не были дневником в обычном понимании — это был путевой журнал, хроника и карта одновременно. Они вели нас далеко на юг, в неизведанные, дикие земли, обещая ответы на вопросы, которые мучили нас половину жизни: кто такие чудотворцы, что за древние изваяния стоят у нашего старого дома и, самое главное, куда и зачем исчез наш отец.

Мы отправились в путь следуя заметкам на полях, чтобы найти ответы, и возможно уже приблизились к разгадке.

— Мне кажется, или мы уже тут проходили? — я остановился, всматриваясь в знакомый изгиб ствола. — Это дерево я уже где-то видел.

Тоби открыл рот, чтобы привычно отмахнуться, но вместо слов вырвался только сухой, надсадный кашель — влажный воздух будто цеплялся за горло. Он неловко привалился к дереву и на секунду прикрыл глаза, будто даже держать голову было тяжело. Наверное, хотел сказать своё вечное «все деревья одинаковые», но сил на эту привычную браваду уже не осталось.

— Ладно, стой, — сказал я, опуская мачете. — Вижу, тебе не до споров. Давай передохнём.

Тоби слабо кивнул, утёр пот рукавом и, уже чуть спокойнее, снова глянул на карту. Пальцы его дрожали, но голос прозвучал ровно:

— Мы почти пересекли пограничную зону. Ориентир должен быть за этой чащей.

Я огляделся. Мы стояли посреди раскалённого, удушливого леса, где воздух был густым, как сироп, и лип к коже. Огромные, неестественно раскидистые папоротники закрывали солнце, превращая день в вечные зеленоватые сумерки, а под ногами чавкала жирная, гнилая почва, источавшая запах прелых листьев и застоявшейся воды.

— Надеюсь, что так и есть, — буркнул я и с силой рубанул мачете по очередной толстой лиане, преграждавшей путь. — Потому что если мы проведём в этих проклятых джунглях ещё хотя бы час, нас сожрут если не дикие звери, то эти плотоядные мошки. У меня уже живого места на шее нет.

Договорить я не успел. Лезвие с хрустом рассекло жёсткие волокна очередной лианы, и та с глухим шлепком рухнула в грязь. Я уже занёс мачете для следующего удара, но вдруг заметил просвет впереди: сквозь плотную стену зелени пробивались тонкие лучи солнца. Ещё один резкий взмах — и перед нами открылась небольшая круглая поляна, залитая редким светом.

На ней, выстроившись идеальным полукругом, стояли они. Местные дикари.

Их появление было настолько беззвучным, словно они соткались из самого тумана. Тела туземцев были почти нагими, покрытыми сложными татуировками, а лица — разрисованы жуткой, засохшей белой глиной, напоминающей оскаленные человеческие черепа. В руках каждый из них сжимал длинное бамбуковое копье с острым, зловеще поблескивающим костяным наконечником. Нас разделяло всего шагов пятнадцать. Воздух мгновенно сгустился, став осязаемым от напряжения. Было слышно только, как где-то высоко в кронах испуганно закричала птица.

Один из аборигенов — судя по тяжелому ожерелью из крупных клыков на шее и вплетенным в волосы перьям, вожак племени — сделал медленный шаг вперед. Он хищно прищурился, оглядел наш потрепанный вид и издал грозный, гортанный и вопросительный рык, перемежающийся странными щелкающими звуками. Это явно был ультиматум.

— Тоби… — тихо, едва шевеля губами и не переводя взгляда с наконечника копья, направленного мне прямо в грудь, выдохнул я. Моя ладонь медленно, по миллиметру поползла к рукояти охотничьего ножа на поясе. — Твой выход, братец. Скажи им, что мы просто проходим мимо. Что мы не ищем неприятностей. Что мы пришли с миром и чистыми намерениями. Ты же хвастался, что выучил их наречие по заметкам отца на полях.

— Да-да, сейчас, я помню… Главное — соблюдать тональность, — Тоби заметно занервничал, его бледные пальцы судорожно вцепились в ремень сумки, а голос слегка дрогнул. Он сделал глубокий вдох, шагнул на полшага вперед, поднял открытые ладони вверх в универсальном знаке дружелюбия и громко, стараясь изо всех сил четко выговаривать резкие, непривычные для нашего горла звуки, произнес гортанную фразу: — *«Ка'аш торо ни' мату! На'ка ри бака зум!»*

Вожак дикарей резко замер. Его ноздри раздулись, а глаза округлились до размеров монет. На какую-то короткую, блаженную секунду мне показалось, что дипломатия Тоби сработала, и мы сможем избежать кровопролития. Я даже мысленно расслабил плечи. Но в следующее мгновение лицо вождя налилось бешеной, первобытной яростью, а белая краска на его щеках зловеще исказилась в гримасе гнева. Он закричал так яростно и оглушительно, что с ближних деревьев с шумом взлетела целая стая испуганных попугаев. Вожак резко взмахнул копьем, давая команду своему отряду.

— Тоби, что ты наговорил?! — я рванул его к себе, закрывая плечом, когда воздух снова взорвался свистом летящих копий.

— Прости… — Тоби уже не кричал, а шептал, будто голос пропал от страха. — Я хотел сказать, что мы не враги. Я сверялся с пометками. Я старался говорить громко и чётко… чтобы они точно поняли.

— И что вышло? — рявкнул я, отбивая копьё и тут же уходя перекатом.

Он не ответил сразу. Только судорожно сглотнул, а потом выдавил:

— Слово… оно оказалось другим. Не тем. И я произнёс его. Очень отчётливо. Специально.

— Какое слово? — я не просил подробностей, я хотел понять, насколько всё плохо.

— Про жабу, — выдохнул Тоби. — Про болотную жабу. Оно случайно совпало по звучанию. И… оно оскорбительно. Для вождя.

— Гениально! — в ярости выкрикнул я, чувствуя, как очередное копьё чиркнуло меня по плечу, с треском разорвав прочную ткань походной куртки и оставив жгучую царапину. —

Просто лучший дипломат поколения! Ты старательно и очень громко назвал их вождя болотной жабой?!

Из густых кустов вокруг поляны с диким, торжествующим улюлюканьем и криками высыпало еще с десяток разрисованных воинов. Ситуация стала абсолютно катастрофической. Против целого отряда туземцев с моим мачете и ножом делать было нечего, а применять свою нестабильную магию в этих зарослях означало сжечь нас самих заживо.

— Бежим! — скомандовал я, резко разворачиваясь на пятках.

Мы неслись напролом через колючие кусты, но туземцы настигали. Их крики звучали всё ближе, а сквозь листву уже мелькали разрисованные белой глиной лица. Тоби задыхался, его лицо пошло красными пятнами, и я видел — еще пара сотен ярдов, и он просто упадет.

Впереди, за стеной высокого камыша, послышался глухой, нарастающий шум воды. Через мгновение мы вылетели на крутой, обрывистый берег глубокого оврага, по дну которого неслась мутная, быстрая река. Перепрыгнуть его было невозможно. Позади уже трещали кусты.

— В воду! — крикнул я, не давая брату времени на раздумья.

— Я не умею… — только и успел выдохнуть Тоби, прежде чем я схватил его за ремень сумки и с разбегу сиганул вниз с обрыва.

Ледяная, грязная вода сомкнулась над головой, выбив из легких весь воздух. Течение мгновенно подхватило нас и потащило вниз по руслу, закручивая в водоворотах и швыряя о скользкие коряги. Над обрывом показались дикари — они с яростными криками швырнули вслед несколько копий, но мутный поток уже уносил нас за поворот, скрытый нависшими над водой лианами. Прыгать в бурный поток в полном боевом снаряжении туземцы не рискнули.

Лишь через полмили, когда течение ослабло у пологой отмели, я смог вытащить полуживого, захлебывающегося Тоби на берег — прямо к заброшенной мощеной дороге, ведущей к ближайшему городку.

Глава 2. Гостиница, поджог и кулинарное наказание

Глава 2. Гостиница, поджог и кулинарное наказание

Ледяная вода выбила из нас последние силы. Когда я наконец вытащил полуживого, захлебывающегося Тоби на пологую отмель в полумиле ниже по течению, мы оба еще несколько минут просто лежали в прибрежной тине, судорожно глотая воздух. Крики дикарей остались далеко за поворотом реки, но озноб пробирал до самых костей.

К позднему вечеру, насквозь промокшие, дрожащие от холода, исцарапанные корягами и с ног до головы облепленные речной грязью, мы добрались до ближайшего пограничного городка. Это было серое, унылое местечко, живущее за счет проезжих купцов и охотников. Недолго думая, мы буквально ввалились в полутемный, шумный зал местной гостиницы с вывеской «Хмельной кабан» и рухнули за самый дальний столик в углу, поближе к жаркому очагу.

— Ну и ну, Тоби, — я со стоном откинулся на жесткую спинку стула, стянул с себя тяжелую от воды куртку с разорванным рукавом и швырнул её на соседнее сиденье. — «Плешивые болотные жабы»? Серьезно? Мало того, что нас чуть не пустили на сувениры из-за твоих успехов в языкознании, так теперь мы еще и плаваем в ледяной жиже!

— Плевать на жижу! — Тоби, стуча зубами от холода, трясущимися пальцами расстегнул ремень сумки и с облегчением выдохнул, вытаскивая обернутый в промасленную кожу дневник отца. Сухой. — И вообще, кто же знал, что у них один и тот же звук в зависимости от щелчка означает и «свет», и «жабу». Да и дело не только в моем произношении. Посмотри внимательно на карту. Мы сверяли наши координаты по изгибам старого русла реки, верно? Но за те десять лет, что прошли с исчезновения отца, русло реки в этих краях могло полностью измениться из-за весенних паводков! Кажется, мы вышли вообще не туда. Мы уклонились на три мили восточнее, прямо в пасть к этому племени.

Я раздраженно и тяжело выдохнул, потирая виски. Мысли путались от усталости, голода и разочарования, а пальцы рук до сих пор мелко, противно дрожали от остатков адреналина. По старой, укоренившейся привычке, которая осталась у меня с самого детства и всегда помогала сосредоточиться, я поднял правую руку над столом и начал бездумно, мерно щелкать пальцами, пытаясь унять внутреннюю дрожь. Огонь внутри меня, раззадоренный погоней, отозвался мгновенно. С каждым сухим, тихим «клик» из кончиков моих пальцев с едва слышным шипением вырывалась крошечная, яркая янтарная искра. Она на мгновение освещала глубокие трещины в дереве стола и гасла, оставляя легкий запах паленой шерсти. Щелчок — искра. Щелчок — искра. Это действовало гипнотически.

— Ого… А как ты это делаешь? У тебя что, спички в коже спрятаны? — раздался совсем рядом тоненький, удивленный и очень любопытный голосок.

Я резко вздрогнул, прерывая щелчок, и судорожно опустил руку под стол. Возле нашего стула, забавно склонив голову набок и держа в руках тряпку для вытирания столов, стояла маленькая девочка лет шести в залатанном, но чистом платьице. Её огромные карие глаза с нескрываемым детским восторгом смотрели на мои ладони. Судя по всему, это была младшая дочка хозяйки или трактирщика, которая незаметно крутилась возле гостей весь вечер.

— Эм… это… это просто фокус, малявка. Ловкость рук и никакого мошенничества, — попытался как можно небрежнее отмахнуться я, чувствуя, как Тоби под столом больно и предупреждающе пнул меня мыском сапога по голени. Брат был прав: демонстрировать силу, пусть даже в виде невинных искр, в случайных приграничных кабаках было верхом глупости. Слухи о чудотворцах здесь ходили нехорошие, и привлекать к себе лишнее внимание нам было никак нельзя.

Но девочка не уходила. Она завороженно, с открытым ртом продолжала стоять на месте, преданно ожидая нового «фокуса» и новой искорки. Я уже открыл рот, чтобы ласково отправить её к матери, как вдруг из глубокого коридора, ведущего на кухню, донеслись быстрые, легкие и уверенные шаги.

— Мина, вот ты где! Ну-ка марш на кухню, мама тебя обыскалась. Что ты здесь к гостям пристаешь? — в общий зал гостиницы быстрой походкой вошла девушка.

Я машинально повернул голову на голос и… замер. Мой язык словно прирос к гортани, а легкие напрочь позабыли, как нужно вдыхать воздух.

Ей было на вид шестнадцать, может, чуть больше. У неё были невероятные, глубокие и сияющие глаза, в которых отражались огни кабака, и целая копна густых, непослушных темно-каштановых волос, в которых запутался мягкий, теплый свет трактирных свечей. Она двигалась с такой естественной, легкой и гордой грацией, что весь этот грязный, прокуренный, шумный зал гостиницы с его пьяными криками, запахами прокислого эля, дешевого табака и жареного жирного мяса мгновенно поблек и растворился. Для меня в эту секунду не существовало больше ничего вокруг. Осталась только она одна.

Она была столь ослепительно прекрасна, что я совершенно потерял контроль над собой и… случайно поджег её сапог.

Да-да, именно так. Мой мозг в эту секунду полностью и окончательно отключился, превратившись в бесполезную кашу, а вот пальцы правой руки, которые я так и не догадался убрать в карман, от неожиданности и сильнейшего внутреннего волнения выдали вместо скромной, невинной искорки приличный такой, злой и мощный сполох живого огня. Сноп горящих, шипящих янтарных брызг сорвался с моих пальцев, пролетел под столом и точнехонько приземлился на носок её новенького, щегольского кожаного сапожка. Сапог этот, судя по всему, был совсем недавно и весьма обильно смазан дегтем и жиром для защиты от дорожной сырости. Состав этот оказался на редкость горючим. Кожа вспыхнула весело, ярко и мгновенно.

— Ой! — испуганно пискнула маленькая Мина, отскакивая назад.

— Горишь! То есть… девушка, вы горите! — панически заорал Тоби.

Брат сорвался со своего места, опрокидывая деревянный стул, схватил со стола большую глиняную кружку с недопитым холодным элем и со всей силы выплеснул жидкость прямо на ноги ошеломленной незнакомки.

Раздалось громкое, обиженное шипение, во все стороны полетели брызги пены, и из-под ног девушки повалил густой, вонючий серый дым. Незнакомка испуганно и резко отшатнулась, едва не упав. Она опустила взгляд вниз, с немым шоком рассматривая свой некогда красивый, а теперь безнадежно испорченный, мокрый и покрытый жирной черной копотью сапог, из которого всё еще струился дымок. Затем её взгляд медленно пополз вверх — сначала на перепуганного Тоби с пустой кружкой в руке, а затем на меня. Я всё еще сидел с протянутой рукой, от которой пахло озоном и паленым дегтем. На её хорошеньком, утонченном личике первоначальный испуг со скоростью молнии сменился искренним, леденящим душу возмущением и праведным гневом. Она так грозно свела брови к переносице, что мне захотелось провалиться сквозь землю прямо в ту преисподнюю из моих детских кошмаров.

Вот так вот. Впервые в жизни я, кажется, по-настоящему влюбился и умудрился испортить абсолютно всё в первую же секунду, даже не успев узнать имени своей возлюбленной.

— Ах вы, поджигатели недоделанные! Бродяги косорукие! — через мгновение взревел из-за барной стойки огромный, как шкаф, широкоплечий и усатый хозяин таверны, который, как выяснилось на наше несчастье, был отцом маленькой Мины и этой прекрасной девушки, которую звали Элисса.

Трактирщик тяжелыми шагами вышагнул из-за стойки, на ходу вытирая руки полотенцем, и встал перед нашим столом, нависая как скала.

— Чуть девке ноги не спалили! Чуть мой трактир, кормилец мой, по ветру не пустили! — гремел он на весь зал, привлекая внимание остальных посетителей, которые начали оборачиваться и весело ухмыляться.

Все мои путаные, лепетные попытки объяснить, что это был «чистой воды несчастный случай с бракованными спичками», с треском разбились о холодный, проницательный взгляд Элиссы. Она стояла чуть позади отца, скрестив руки на груди и мерно постукивая уцелевшим сапогом по полу. В её глазах, помимо вполне понятной злости, теперь отчетливо читалось что-то еще. Острая, опасная проницательность. Она ведь стояла лицом ко мне. Она видела, что в моих ладонях не было никаких спичек, кремней или кресал. Она видела, как огонь сорвался прямо с моей кожи.

В итоге, платить за дорогую испорченную обувь, а уж тем более за «моральный ущерб и порчу имущества» двум нищим бродягам было абсолютно нечем. Даже за комнату заплатить мы не могли. Трактирщик, сурово оглядев наши пустые карманы, вынес окончательный и не подлежащий обжалованию вердикт: три дня бесплатной, тяжелой отработки в таверне.

А чтобы мы не вздумали сбежать в первую же ночь, трактирщик распорядился: раз денег у нас нет, то и на комнаты рассчитывать нечего. Ночевать нам предстояло в старом сарае за кухней, где пахло прелой соломой, мокрым сеном и крысиным помётом. Вышибалы, эти двое угрюмых громил, что маячили у дверей, теперь стали нашими ночными сторожами. Один из них, с кривым шрамом через всё лицо, нарочно хлопнул тяжёлой щеколдой прямо над моим ухом, будто хотел убедиться, что мы как следует поняли своё место.

Так начался наш личный, изнурительный бытовой ад. Намного проще, как оказалось, было с криками убегать через колючие заросли от разъяренных туземцев, чем заниматься делом, к которому у нас обоих не было ни малейшего таланта. У нас откровенно, с треском ничего не получалось.

Тобиаса, с его тонкими книжными пальцами, определили в помощники официанта в общий зал. Мой бедный, тихий брат, привыкший к абсолютному покою, уединению и чтению старых фолиантов, полностью и окончательно потерялся среди этой грохочущей, полупьяной, пахнущей потом и перегаром толпы наемников, лесорубов и торговцев скотом.

— Эй, заморыш, шевелись! Где мой эль?! — рявкнул огромный бородатый наёмник, грохнув кружкой по столу. Тоби в панике хватал тяжелый поднос, несся со всех ног к нему через зал, путался в собственных длинных ногах или спотыкался о чью-то умышленно выставленную тяжелую ногу. В следующий миг поднос летел в одну сторону, а три огромные глиняные кружки с темным, пенным пивом отправлялись в свободный полет, точнехонько обливая сидящих за соседним столиком купцов. Зал взрывался грохотом хохота и отборной бранью, Тоби судорожно ползал на коленях, собирая осколки, и от жуткого страха начинал извиняться, путая обычные слова с заумными, высокопарными терминами из древних чудотворческих свитков. Это, понятное дело, злило нетрезвых посетителей еще больше, и в него то и дело летели корки черствого хлеба.

У меня же на кухне, скрытой от посторонних глаз, дела обстояли еще более катастрофически. Суровый повар, подчинявшийся напрямую хозяину, поручил мне самую «простую», по его мнению, работу: непрерывно чистить горы грязной картошки, следить за огромным, бурлящим чугунным котлом с мясным рагу и вовремя подбрасывать дрова в огромную зобу печи, поддерживая ровный жар.

— Смотри мне, парень, — пригрозил шеф-повар, тыча мне прямо в нос огромным, испачканным в муке пальцем-сосиской. — Не дожаришь мясо — хозяин тебя самого свиньям на заднем дворе скормит. Пережаришь хоть на каплю — плюс день к отработке, будешь у меня тут неделю свинарник драить.

Я честно, изо всех сил старался быть полезным и незаметным. Но у судьбы были на меня свои, крайне ироничные планы. Каждый раз, когда тяжелые кухонные двери с криком распахи-

вались, и в помещение заглядывала Элисса, чтобы принести гору грязной посуды или забрать готовые заказы, моё сердце совершало безумный кульбит где-то в районе горла. А моя внутренняя магия, словно упрямый, глупый и совершенно не поддающийся дрессировке щенок, мгновенно и бурно реагировала на моё душевное волнение.

Стоило девушке просто пройти мимо, обдав меня тонким ароматом лаванды, или мимоходом бросить на меня свой строгий взгляд, как дрова в печи, до этого мирно тлевшие, со страшным грохотом взрывались целым снопом яростных янтарных искр. Огонь гудел, вырывался из заслонки, мгновенно поднимая температуру в помещении до уровня кузницы. К исходу первого дня я умудрился полностью сжечь три огромные порции фирменной похлебки, превратив дорогое мясо в угольную, дымящуюся жижу, от которой плакали повара, и в порыве очередной паники случайно… намертво расплавил тяжелую железную кочергу, которой пытался поворошить угли. Бедный поваренок после этого случая шарахался от меня как от зачумленного, крестясь каждый раз, когда я просто тянулся за ножом для чистки овощей.

— Быстрее бы уже прошли эти три дня, — бубнил он. — Держать такого на кухне — сущее безумие.

Вечером второго, не менее кошмарного дня, когда таверна наконец закрылась, а пьяные гости разбрелись по комнатам, я устало сидел на деревянном крыльце заднего двора. Небо было чистым, усыпанным крупными звездами. Я вяло и обреченно пытался оттереть въевшуюся черную сажу со своих исцарапанных ладоней. Огонь внутри меня после тяжелого дня глухо, лениво ворочался в груди, приятно согревая уставшие пальцы.

— Спички, говоришь? Бракованная партия? — раздался вдруг тихий голос откуда-то сверху, со стороны ступеней.

Я испуганно вздрогнул, едва не выронив тряпку, и поднял голову. На верхних ступеньках крыльца, прислонившись спиной к деревянной балочной опоре, стояла Элисса. На ней были уже другие, старенькие, видавшие виды, но чистые сапоги, а в руках она… держала тот самый тяжелый кожаный дневник нашего отца, который Тоби по своей непростительной глупости и усталости оставил вечером на столе в общем зале.

— Обычные люди не умеют высекать живой огонь голыми руками, Зейн, — она медленно, плавно спустилась на пару ступеней ниже и присела на деревянный настил рядом со мной. Расстояние между нами сократилось, и я снова почувствовал этот сводящий с ума запах лаванды и свежего трактирного хлеба. — И уж тем более обычные бродяги не носят с собой древние дневники, от корки до корки исписанные тайными символами Первых Чудотворцев. Тебе повезло, что мой отец не умеет читать ничего, кроме долговых расписок, а Торк слишком пьян, чтобы заметить книгу. Но я знаю эти знаки. Мой дед… Он был хранителем архива и историком в столице. Я видела такие руны на древних картах.

Я полностью замер, боясь пошевелиться и не зная, что ответить. Вся наша тайна, которую мы с братом так бережно, со страхом хранили долгие десять лет, была раскрыта в одно мгновение девчонкой, которой я по глупости едва не сжег ноги.

— Вы ведь ищите что-то, что лежит за Мертвым лесом, верно? А еще, — она повернула голову и посмотрела на меня в упор своими проницательными глазами. В полумраке её лицо казалось бледным и невероятно красивым. — Я знаю, что это как-то связано с церковью. Я никогда не питала к ней особых чувств, и знаю, что раньше, много лет назад, все было по-другому. Дед рассказывал мне. А теперь вот этот дневник.

По моей спине пробежал холодок. Как много эта девчонка знает?

— Твой брат весь вечер бормотал что-то про изменившееся русло реки и координаты, пока оттирал пиво с пола.

— Элисса, послушай… — хрипло начал я, но она мягко, но решительно перебила меня, приложив тонкий палец к обложке дневника.

— Я пойду с вами. И это не обсуждается. Вы без меня и пары миль не пройдете по этим землям — либо твой чудной брат Тобиас опять сделает что-нибудь не так, либо ты в порыве смущения случайно сожжешь вашу единственную карту вместе со штанами. К тому же… я прекрасно знаю эти места. Я знаю, где именно русло реки изменилось после большого обвала пять лет назад. Я покажу дорогу.

Она протянула мне дневник, её пальцы на секунду коснулись моих, испачканных сажей рук, и я окончательно понял, что пропал. Моё сердце колотилось как сумасшедшее, и, кажется, на этот раз моя внутренняя магия была здесь совершенно ни при чем.

Утро третьего дня нашей отработки началось как обычно, но уже через час мы поняли, что кое-что изменилось. То и дело слышались крики хозяина, которые, к моему удивлению, дополнялись ответными криками Элиссы.

Хоть она и сказала вчера, что пойдет с нами, мне как-то не особо в это верилось.

— А я все равно пойду, и точка! – в очередной раз крикнула наша самопровозглашенная спутница. – Дед не просто так брал меня с собой в экспедиции. Я знаю, он хотел бы, чтобы я отправилась в путешествие.

— Этот старый дурак только и знал, что сидеть со своими книгами и свитками. Не удивлюсь, если он не пропал, а его просто ими завалило. – в ответ на слова Элиссы разразился хозяин.

— Это так ты о собственном отце говоришь? – возмутилась Элисса.

— Я имею право говорить то, что думаю. И думаю я, что ты никуда не пойдешь!

И вот так целый день! Стоило только Элиссе и хозяину взглянуть друг на друга, как снова начиналась словесная перепалка.

— Думаешь, она всё-таки уйдёт? — шёпотом спросил брат, косясь в сторону коридора, откуда доносился очередной раскат отцовского голоса.

— Вряд ли, — буркнул я, стараясь звучать увереннее, чем чувствовал. — Любящий отец не отпустит дочь с двумя неизвестными бродягами. Да и кому мы такие нужны: один вечно всё роняет, второй — поджигает.

Но в этот момент из полумрака коридора вылетела сама Элисса. Лицо у неё было пылающим, а глаза сверкали.

— Он не отпустит, — выдохнула она, останавливаясь напротив нас и встряхивая головой, чтобы откинуть с лица выбившиеся пряди. — Но я и не просила разрешения. Я сказала, что ухожу. И он понял: если попытается меня удержать силой, я всё равно сбегу — только уже одна. А одному в этих землях не выжить.

Я хотел было возразить, что раз отец не отпускает, то не следует ему перечить, но слова застряли в горле в тот самый момент, когда она повернулась ко мне. Едва не щелкнув пальцами, я сделал вид что рассматриваю свои ноги. Хоть мы уже несколько дней работаем в таверне, но я никак не могу привыкнуть, что она рядом.

- Выходим на рассвете. Я подготовлю все необходимое.

И вот наша странная компания из двух бродяг пополнилась третьим человеком. Надеюсь, я случайно не подожгу её сапоги.

Глава 3. Танцы посреди каньона

Глава 3. Танцы посреди каньона

Наконец три дня изнурительной отработки подошли к концу. Мы упросили хозяина дать нам ещё раз переночевать в сарае, и, к нашему удивлению, он не стал спорить. Только махнул рукой, будто отмахнулся от надоевшей мухи:

— Спите. Но к рассвету чтоб духу вашего тут не было.

Наверное, он просто устал от нашего присутствия, от вечных неудач, от того, что мы вечно всё портили.

На рассвете, пока суровый хозяин таверны ещё видел десятый сон, мы тихо покинули «Хмельной кабан». Элисса, проскользнувшая мимо сонных вышибал, лишь на мгновение обернулась на таверну, бросила взгляд на одно из окон на втором этаже и едва заметно кивнула.

— Мина, не волнуйся, сестренка вернется, – едва слышно прошептала она.

Надеюсь, больше мне не придется работать в таком месте. Ну, зато кажется контроль давался мне все лучше. И хоть при виде Элиссы, а особенно в те моменты, когда она смотрит на меня, мои руки начинали дрожать, я все лучше сдерживал детскую привычку щелкать пальцами. Хоть в чем-то эта отработка пригодилась.

Пройдя через просыпающийся городок, мы наконец вышли за ворота. Впереди лежали суровые, бесплодные земли: серый гранит, редкие кустики жухлой травы и пронзительный ледяной ветер, который непрерывно свистел в глубоких расщелинах и каньонах, заставляя кутаться в плащи. Я всё ждал, что мы свернём не туда, что даже Элисса запутается в этих одинаковых серых камнях. Но она шла уверенно, будто эти земли были ей знакомы с детства, и выводила нас в обход опасных болот — прямо к высокому каменистому плато. Вдоль него с рёвом неслась бурная, пенистая горная река, её грохот перекрывал даже вой ветра.

— Нам нужно пройти вдоль этого каньона еще мили две, — Элисса шла впереди, её каштановые волосы красиво развевались на ветру. Она то и дело сверялась со старым компасом. — Там будет старый брод, который не отмечен на новых картах. Перейдем реку, и мы у цели.

— Главное, чтобы по пути нам снова не попались жабьи дикари, — уныло отозвался Тобиас, поправляя сползающую сумку. Брат за эти дни заметно осунулся, но дневник из рук не выпускал.

— Послушай, — начал я, когда мы остановились немного передохнуть. Солнце уже поднялось достаточно высоко, и тот холодок, который на рассвете обволакивал нас, давно улетучился. — А что случилось с твоим дедом?

— Э? – Элисса дернулась, словно ужаленная земляной пчелой. Едва не выронив из рук свой рюкзак, она резко обернулась.

— Просто, ну… Когда ты ругалась с отцом, я кое-что услышал. И… В общем наш отец, он ведь пропал, когда мы были еще детьми.

Тоби, до этого листавший дневник, посмотрел на меня словно я признался в том, что я с другой планеты.

— Знаешь, братец, ты иногда бываешь очень нелогичен. Еще вчера сам мне говорил, что нужно как-то деликатно это узнать, а сейчас просто спрашиваешь в лоб.

Элисса рассмеялась, то ли ради того, чтобы скрыть свои настоящие эмоции, то ли из-за выражения лица Тоби.

— Если ты не хочешь говорить, то не нужно, – я попытался вернуть себе вид крутого старшего брата.

— Да нет, не в этом дело, - Элисса посмотрела куда-то в даль. – В это нет никакого секрета. Я ведь уже говорила, что он меня учил. В одной экспедиции, мне тогда было лет девять,

может быть уже десять, в общем примерно семь лет назад, мы с ним нашли какие-то камни, на которых были выщерблены руны. Я сразу вспомнила их, когда увидела ваш дневник.

— Ты можешь их читать? – лицо Тоби вытянулось.

— Нет, не совсем. Но я знаю, что это не просто рисунки, а письмена. Дед мог их читать, а вот я нет, он не успел меня научить. Или не хотел.

Повисла неловкая пауза. Элисса продолжала стоять, так и держа в руках рюкзак, Тоби, сидевший с дневником, неловко смотрел в ее сторону, а я вновь начал чувствовать дрожь в руках.

— В конце концов, никто не видел ни тела моего дедушки, ни каких записок от него, но через некоторое время после этой экспедиции он просто исчез. Теперь я начинаю понимать, почему он не стал меня обучать этим символам, но от этого ничуть не легче. – ее голос надломился и совсем стих.

— Ладно, давайте не будем о грустном, – в очередной раз я решил показать из себя хорошего старшего брата. – Думаю пора бы немного перекусить. Хотя на этой равнине вряд ли удастся зажечь костер, но стоит попытаться. Не хочется есть сырое мясо.

Сложив из валунов подобие небольшой печи, мы смогли-таки запалить огонь. Элисса взяла все в свои руки и уже через полчаса мясо весело зашипело на небольшой походной сковородке. Вот что значит дочь хозяина таверны.

Немного подкрепившись было решено проложить маршрут дальше, и здесь нам предстояло сделать выбор. Либо перейти реку вброд, либо идти немного южнее, до старого моста. Обычный человек скорее всего выбрал бы путь через мост. Пусть и старый, но все равно куда безопаснее, нежели пересечение реки.

— Я слышала, что сейчас мост захватила шайка разбойников, поэтому думаю, что туда лучше не идти. – Элисса снова рассуждала как наш проводник. Казалось, недавнего разговора не было.

— Разбойники — это не очень хорошо. – не отрываясь от дневника пробормотал Тоби.

— Да, разве что немногим лучше дикарей. – решил я пошутить.

— Так что, идем вброд? – Элисса вопросительно посмотрела мне прямо в глаза.

— Ну…Ты лучше знаешь местность. - озноб вперемешку со смущением вызвал у меня внезапный приступ заикания.

— Значит, идем, как и планировали.

Доверившись решению идти через реку, мы сложили наш лагерь и двинулись дальше. Вскоре послышался шум потока. Быстрая горная речка бежала, весело звеня и булькая, и от этого звука становилось только холоднее. Тобиас, взглянув на белые буруны, заметно сник и судорожно прижал сумку к груди — память о ледяной реке в джунглях была еще слишком свежа.

— Если я промокну — сушить будешь ты, — глухо произнес брат, с опаской косясь на воду. — И даже не думай снова тащить меня на себе через поток.

— О, великий языковед боится намокнуть? — Элисса весело рассмеялась, хотя в глазах мелькнуло понимание. — Я-то думала, что великий и всезнающий Тобиас не может справиться только с работой официанта, а оказывается, он еще и плавать не умеет?

— Очень смешно, — буркнул брат. — Я не хочу, чтобы с записями что-то случилось. Без них наш путь просто не имеет смысла.

— Хватит! — резко оборвал я их перепалку, приседая на корточки у самой тропы. — Смотрите.

На влажной глине у берега отпечатались свежие следы сапог — трое, шли совсем недавно, причем один явно приволакивал ногу, а следы другого были странно узкими, почти как у танцоров. А следом донесся и звук — не шум реки и не завывания ветра. Неподалеку, за грядой валунов, вели беседу по меньшей мере трое. Голоса были разные. Один пищал словно мышь,

другой говорил басом и с отдышкой, а третий в свою очередь со странной манерой растягивать слова.

— Кажется я узнаю интонацию, я уже слышала раньше этот голос. – прошептала Элисса прислонившись к валуну.

— Нееет, ты не прав, мой друуг. Надо воот так. Повторяай за мной.

— Уф, нет, я не успеваю, уф.

— Хи, кажется, брат, тебе нужно скинуть пару десятков килограмм.

Казалось, что эта троица чем-то занималась, и мне сейчас почему-то очень захотелось узнать, чем именно.

— Сидите здесь, а я посмотрю поближе, - сказал я своим спутникам, и двинулся прямо на голоса.

То, что я увидел, вызвало, мягко говоря, небольшой шок. На поляне трое в обтягивающем трико танцевали балет. Ну или точнее пытались. Тот, который растягивал слова, судя по всему, был у них главным и показывал другим, как правильно выполнять па. Второй, голос которого гремел басом, то и дело падал на землю, его короткие ноги вкупе с большим животом явно были не созданы для пируэтов. Третий же, тощий и невысокий, с крысиным лицом смеялся над толстяком. Главарь танцоров был изящен, хорошо сложен и в целом, смотрелся очень даже профессионально. Только не в это время и не в этом месте.

Я замер за валуном, не веря своим глазам. В голове крутилось только одно: “Это что, шутка?” Ладони вдруг стали ледяными, а в груди что-то неловко ёкнуло — будто я подсмотрел что-то очень личное, хотя выглядело это до смешного нелепо.

— Так я и думала. – Тихий шепот над ухом заставил опомниться. Позади меня стояла Элисса. Она подошла так тихо, что я ее вообще не заметил.

— Я же сказал сидеть там! – возмутился я.

— Они не опасны. – Элисса сделала вид, что не услышала моих слов и взмахом приказала Тоби идти за ней.

— Скажите, что мне это снится. – ошарашенно произнес брат, едва удерживая выскользнувший из рук дневник.

— Ты их знаешь? – я слегка удивился.

Элисса кивнула. Она вышла на поляну, где трио отрабатывали очередное па с таким невозмутимым видом, что я даже опешил.

— А вы что тут делаете? – громко спросила девушка и все трое резко вздрогнули.

Толстяк от неожиданности снова рухнул на землю и крысомордый не смог сдержать смешок.

— Ох, дорогууша, ну и напугаала ты наас. – солист балета остановил свое вращение на одной ноге и так и застыл. – Чуть сеердце не выскочило из груди.

— Уф, ты что, не видишь, уф? – толстяк с трудом поднялся, опираясь руками на колени. – Господин Труа показывает нам, как вкладывать душу в танец.

— Только у тебя не получается. – снова хихикнул крысомордый.

— У меня просто ноги короткие. – начал оправдываться толстяк.

— Ага, и веса лишнего килограмм двадцать. – не останавливался крыс.

Я совсем перестал понимать, что происходит, и кажется не я один. Тоби стоял позади меня с открытым ртом, округлившимися глазами и выронив из рук дневник.

— Так и что вы все-таки здесь забыли? — Элисса сложила руки на груди. — Вас выгнали из таверны за то, что вот он, — она ткнула пальцем в толстяка, — съел тройную порцию ужина. Не заплатив. Вам же велели не подходить к городу! А вы все равно третесь у северных скал, будто медом тут намазано.

Труа, все еще балансируя на одной ноге, на секунду потерял свой дурашливый вид. В глазах его мелькнула непривычная, серьезная тень, но он тут же натянул прежнюю улыбку:

— Творчество требует простора, дорогууша! А северные скалы таак вдохновляют... Особенно когда ищешь старые корни, а находишь только голод. Бесплаааатные уроки балета все еще в силе!

— Знаете, я не очень понимаю, что здесь творится, но, может быть, мы пойдем дальше? — немного пришел в себя Тоби подняв дневник.

— Если эти трое не будут нам мешать и просто пропустят, то да, мы пойдем дальше, — удивительно было то, что Элисса до сих пор держала себя в руках.

Крыс и толстяк после ее слов заметно приуныли. Но Труа лишь всплеснул руками:

— Мои дорогиие лебедята, не унываайте. Они проосто еще не прониклись нашим таанцем! Пропустите наших мааленьких друзеей. А-ха-ха-ха-ха.

— Да, босс! – двое подопечных резко встали по стойке смирно.

— Остороожнее в катакоомбах. – Протянул Труа после того, как мы прошли на другую сторону поляны. Он показал нам большой палец и снова начал неистово вращаться.

Я обернулся, чтобы переспросить, но Труа уже снова кружился, будто ничего и не сказал.

Глава 4. Лекарь-шарлатан и снайпер

Глава 4. Лекарь-шарлатан и снайпер

Слова Труа про катакомбы никак не выходили у меня из головы. Откуда этому эксцентричному разбойнику вообще известно, что мы держим путь под землю и что там небезопасно? Он кружился перед глазами, как назойливый призрак, а его финальное предостережение эхом отдавалось в ушах, перекрывая даже нарастающий рев реки. Я то и дело оглядывался назад, ожидая увидеть неистово вращающегося балеруна, но поляна осталась далеко позади, скрытая серыми гранитными глыбами.

Вскоре мы вышли к броду. Зрелище было, мягко говоря, так себе. Бурный, пенистый поток с грохотом несся между острыми валунами. Вода казалась ледяной даже на вид.

— Ну и как мы это перейдем? — уныло спросил Тобиас. Он остановился у самой кромки, испуганно глядя на летящие брызги. Брат судорожно прижал к груди свою сумку, и я заметил, как побелели костяшки его пальцев. Память о мутной реке в джунглях, где он едва не захлебнулся, еще не отпустила его. — Я тут точно ко дну пойду. И ладно я, но если записи отца пострадают, наш путь просто потеряет смысл.

— Я пойду первым, — я нащупал сапогом дно у берега: камни крупные, сидят плотно. — Не скользкое. Пойдём медленно — перейдём без проблем. Главное — не отпускать рук друг друга и не смотреть вниз.

Тоби посильнее затянул пояс сумки, перекинул ремень через шею, словно собирался защищать книгу собственным телом, взял меня за одну руку, Элиссу за другую, и мы шагнули в поток.

Первый же шаг выбил из меня остатки показной уверенности. Быстрое течение с силой било в колени, пытаясь сбить с ног, а ледяная вода, мигом залившая мои сапоги, превратила пальцы в безжизненные ледышки. Тоби рядом тяжело, прерывисто дышал, сжимая мою ладонь до боли, а Элисса молча закусила губу, упрямо переставляя ноги по невидимому дну.

Медленно, шаг за шагом мы добрались до середины брода, где вода доходила почти до пояса. Я уже слегка расслабился, прикидывая оставшееся расстояние до противоположного берега, как вдруг сверху, со стороны нависающих над рекой скал, грохнул сухой выстрел.

Мимо моего уха с противным визгом просвистела пуля и с треском выбила крошку из валуна у самой воды.

Мы замерли посреди ледяного течения. Второй выстрел не заставил себя ждать — он пришелся по плоскому камню уже на том берегу, куда мы шли, словно невидимый стрелок указывал нам дорогу.

Кто-то наверху следил за каждым нашим движением. И целился не для того, чтобы убить — с такого расстояния хороший стрелок не промахнулся бы дважды. Нас загоняли, как дичь в силки.

— Не останавливаться, идем дальше, — сквозь зубы бросил я, сильнее потянув брата за собой.

Выбравшись наконец на каменистый берег и наскоро вылив ледяную воду из сапог, мы застыли на месте, не зная, позволено ли нам двигаться. Даже Тоби, всю дорогу державший сумку над головой, так и остался стоять с поднятыми руками, тяжело дыша.

Очередной выстрел ударил в землю шагах в десяти впереди нас — точно по тропе, уходящей в расщелину. Приказ был предельно ясен. Мы молча двинулись вперёд. Гул реки начал затихать за спиной — и чем тише становилось вокруг, тем явственнее я чувствовал кожей чужой, тяжелый взгляд сверху. Нас по-прежнему вели на прицеле.

— А теперь стоять! — послышался с высоты слегка хриплый, жесткий женский голос.

Я медленно поднял глаза и заметил небольшую фигуру на узком уступе скалы. Старая, потертая кожаная куртка, короткие темные волосы, сдвинутые на лоб защитные очки-маска — из тех, что носят в глубоких шахтах. И — главное — длинная тяжелая винтовка в уверенных руках, ствол которой смотрел точно мне в переносицу.

— Говорить буду я, — тихо покосился я на брата, стараясь придать голосу твердость. — Вроде на аборигена не похожа. Тоби — молчать.

Тобиас посмотрел на меня с таким выражением лица, словно я наступил ему на самую больную мозоль, но губы сжал.

— Мы пришли с миром! — громко крикнул я вверх, подняв пустые ладони, и шёпотом добавил брату: — Вот как надо.

— Сумки на землю и три шага назад! — прохрипела девушка со скалы, передергивая затвор с сухим металлическим щелчком. — Вы у меня на мушке.

Тоби посмотрел на меня с таким отчаянием, что я понял — дневник он отдавать не хочет ни за что. Но выбора нам не оставили, и мы медленно сложили перед собой весь наш нехитрый скарб: сумку с дневником, охотничий нож, мачете и походный рюкзак Элиссы.

— А теперь отошли! — потребовала нападавшая.

Мы отступили назад и неподвижно наблюдали, как девушка ловко, по-кошачьи спустилась по крутому склону. Она была невысокой, едва ли выше Элиссы, но двигалась с хищной, отточенной осторожностью человека, привыкшего никому не доверять. Не опуская винтовки, она ногой разворошила наши пожитки, на секунду задержав взгляд на кожаной сумке Тоби.

— И что, ни одной монеты? — разочарованно хмыкнула она, оглядев нас с ног до головы. — За это барахло много не выручишь. А за «аборигена» ты у меня еще ответишь.

Я сглотнул. Она слышала каждое мое слово.

— Вы пойдете со мной! — повернулась она к нам, пнув пустые рюкзаки обратно и заткнув за свой пояс мой нож и мачете. — Ты — идешь первым!

Палец её указывал на Тоби. Не на меня и не на Элиссу, а на самого слабого из нас. Я хотел было дёрнуться вперед, но черное дуло винтовки мгновенно сместилось мне в грудь, и я застыл.

Тоби подобрал сумку, отряхнул от пыли и с немой надеждой посмотрел на меня.

— Почему он? — спросил я, стараясь не делать резких движений.

— Вопросы буду задавать я, — коротко отрезала бандитка.

Но вопросов не последовало. Вместо этого она мотнула стволом в сторону узкой тропы, уходящей в скалы, и мы молча двинулись в путь. Впереди шел Тоби, за ним Элисса и я, а в трех шагах позади — наш конвоир.

Тропа петляла среди серых валунов, уводя нас все дальше от реки. Я пытался запомнить повороты, но одинаковые каменные стены быстро путали ориентиры. Мне до чертиков хотелось узнать, куда нас ведут, и я уже начал поворачивать голову, но в ту же секунду почувствовал, как холодный металл ствола больно уперся мне между лопаток.

— Смотри вперед! — приказ прозвучал тихо, но с такой сталью, что спорить расхотелось. — Еще раз обернешься — получишь пулю в колено. Понесете его на руках.

— Послушай, — заговорила Элисса, не поворачивая головы и стараясь сохранить спокойный, ровный тон. — Мы просто путешественники. Если тебе нужны припасы или еда, мы все отдадим, но если бы ты могла нас отпустить…

— Тощий, — перебила ее девушка, словно вообще не слышала слов Элиссы. — У него в сумке книга. Не знаю, что за книга, но Ворч примет её как плату.

— Нет, не отдам! — резко выпалил Тоби и сбился с шага, прижимая сумку к животу.

— Тихо! — выстрел грохнул прямо над нашими головами, заставив с ближайших скал сорваться мелкие камни. — Ещё одно лишнее движение — и ты больше никогда не откроешь глаза. Что лучше: выжить или лишиться какой-то старой бумажки?

— Не стреляй! — я врезался голосом в звонкую тишину раньше, чем упрямый брат успел ляпнуть очередную глупость. — Он не в себе. Мы всё поняли. Пойдем молча.

Тоби, не оглядываясь, коротко кивнул. Он понял меня — в этом я почти не сомневался.

Несколько минут мы шли в тяжелом, давящем молчании, нарушаемом только хрустом гравия под сапогами.

— Ты ведешь нас к Ворчу? Кто он? — Элисса снова попыталась разрядить обстановку, но на этот раз сделала только хуже.

Получив жесткий, профессиональный пинок под колено, я не удержал равновесия и рухнул в дорожную пыль, едва не повалив Элиссу за собой. Холодное дуло тут же опустилось, глядя мне точно в лицо. Я затаил дыхание, уверенный, что сейчас прогремит выстрел.

— Я же сказала: вопросы задавать буду я! Это касается и тебя, и твоего парня, и того тощего.

Элисса побелела — и не от направленного на нас ствола, я готов поклясться. И тогда я, лёжа в грязи, на секунду забыл о страхе: «Что она сейчас сказала? Парень? Нет, ну я, конечно, совсем не против, но как-то больно быстро…» При слове «парень» меня с ног до головы обдало жаром, а пальцы правой руки начали нестерпимо покалывать. «Если уж меня так назвали, надо соответствовать», — пронеслось в голове, и я сам не понял, шучу я или решаюсь на безумие.

Тело сработало раньше разума. Рука взлетела вверх — в сторону винтовки. Щелчок.

Янтарные искры, словно только и ждавшие разрешения, сорвались с пальцев, обогнули вороненое дуло и впились точно в ладони конвоира. Короткий, сдавленный вскрик — и тяжелая винтовка с глухим стуком упала на землю.

Я лишь надеялся отвлечь её и выбить оружие, не причиняя серьезной боли, но вышло иначе. Поднявшись на ноги, я перевел взгляд с оружия на его хозяйку. Теперь она сидела на камнях, прижимая к груди обожженную правую руку и глядя на меня широко раскрытыми от шока глазами. Винтовка лежала в паре шагов от нее.

— Теперь, может быть, расскажешь, кто ты и что за Ворч? — Тоби выглянул из-за плеча Элиссы, опасливо косясь на оружие. — Тем более если речь про мою книгу — я обязан знать.

— Кхм, да, уж будь добра, расскажи нам, — Элисса смотрела куда-то вверх, заметно выше, чем требовалось. В глазах у нее читалось легкое замешательство, и я готов поклясться — щеки ее слегка порозовели.

Девушка не ответила сразу. Она медленно поднялась на ноги, не сводя с моих рук настороженного, почти звериного взгляда.

— Ты такой же, — едва слышно проговорила она, и в голосе ее вместо прежней грубости прозвучала глухая, тяжелая обреченность. — Такой же, как он. У тебя тоже есть сила.

— О ком ты? — я шагнул ближе, не опуская рук.

— О Ворче, — коротко бросила она и криво усмехнулась. — Ну что, поджаришь меня теперь, чудотворец? Давай, чего ждешь?

— Никто тебя жарить не собирается, — Элисса сделала мягкий шаг вперед, заслоняя меня собой. — Для начала скажи, как тебя зовут? Нам нужно знать, чтобы хоть как-то общаться.

Девушка помедлила, оценивая нас троих, словно прикидывая, стоит ли вообще тратить слова перед смертью.

— Ноа. Ноа Либхейн, — наконец глухо представилась она.

— Я Элисса Клэйр. Можно просто Элисса, — спокойно улыбнулась та.

Я впервые услышал ее фамилию. И поразился тому, как свободно она разговаривает с человеком, который минуту назад держал нас на прицеле. Видимо, годы работы в трактире и бесконечные споры с пьяными постояльцами здорово научили ее чувствовать людей.

— Этот тощий позади меня, — Элисса указала большим пальцем за плечо, — Тобиас.

Тоби коротко кивнул в знак приветствия. Молодец, не стал называть нашу фамилию.

— А этот… — Элисса наконец повернула голову ко мне и замолчала.

— Зейн. Зейн Роал, — зачем-то выпалил я свое полное имя.

Ну и глупость же я совершил. От одного взгляда Элиссы у меня снова затряслись руки, и я выложил всё человеку, который только что вел нас в плен.

— И кстати, — я с трудом совладал с дрожью в голосе, — верни мой нож и мачете.

Ноа обожженными пальцами отцепила от пояса оружие и бросила его к моим ногам, испуганно покосившись на мои ладони.

— Так кто же такой этот твой Ворч? — Тоби, дождавшись паузы, снова подал голос. — И зачем ему моя книга?

Ноа тяжело вздохнула и прислонилась спиной к холодному валуну. Прежняя агрессия окончательно вытекла из нее, оставив только смертельную усталость.

— Церковный лекарь, — ответила она, глядя себе под ноги. — Он лечит моего младшего брата от каменной лихорадки. Его снадобья стоят дороже золота, которого у меня нет. Поэтому мне пришлось стать его клинком. Охранять подходы к горам, забирать ценности у тех, кто забредает слишком далеко… И привозить тех, кто может быть ему полезен.

— Каменная лихорадка? — Тоби нахмурился и пристально посмотрел на Ноа, словно проверяя, не врет ли она. — Ты уверена, что это именно она? Как она проявляется?

Ноа подняла на него усталые глаза.

— Серый налет на коже, словно пыль въелась в поры. Постоянный озноб, ледяные руки и слабость — такая, что он едва встает с постели. Ворч говорит, без его отваров Лиам бы давно обратился в камень.

Тобиас переглянулся со мной, а затем быстро расстегнул сумку и достал дневник, лихорадочно листая пожелтевшие страницы.

— Я же знал, что отец писал об этом… Где-то здесь… Ага! — воскликнул брат, тыча пальцем в мелкие строки на полях. — Каменная лихорадка. Так, что тут у нас: шалфей, синий лишайник, дать настояться. Ингредиенты найти не сложно, так что твой лекарь просто водит тебя за нос.

Ноа замерла. Ее лицо медленно побледнело, а здоровой рукой она судорожно вцепилась в край своей куртки.

— Не ври мне, — прошептала она, и в голосе зазвенела опасная, сорванная нота. — Ты не знаешь, о чем говоришь! Я целый год… целый год я делала для него грязную работу! Если бы лекарство было таким простым, Лиам бы давно бегал на ногах! Он держится только на снадобьях Ворча!

— Если бы он держался на снадобьях, ему бы становилось лучше, а не хуже, — твердо ответил Тоби, не отводя взгляда. — А ты сама говоришь, что он едва встает с постели, и так целый год. Твой лекарь просто тянет из тебя плату и держит брата в заложниках.

Ноа смотрела на нас, переводя взгляд с уверенного лица Тоби на меня, словно искала хоть малейший намек на обман. Но врать о таком мы не стали бы. До нее медленно, с мучительной болью доходила правда: целый год ее страха, выстрелов из засады и чужой крови был построен на лжи.

— Значит… он убивает его? — едва слышно вымолвила она через долгую минуту. — Медленно… на моих глазах…

По ее грязной от дорожной пыли щеке прокатилась первая слеза. Ноа попыталась смахнуть ее рукавом, но плечи ее мелко задрожали — плотина, которую она строила целый год, рухнула. Элисса тихо подошла ближе, присела на корточки и молча протянула ей чистый платок.

Ноа взяла его, сжала в кулаке, но слез утирать не стала. Впервые за долгое время она позволила себе не быть «клинком».

У меня болезненно кольнуло в груди — я снова увидел перед глазами себя: восьмилетнего мальчишку на коленях перед холодным очагом, день, когда пропал отец, и горькие слезы сквозь сажу. Страх за родного человека пахнет одинаково везде.

— Зейн, — тихо вырвала меня Элисса из горьких воспоминаний. Она прошла мимо, остановилась в шаге позади и легонько дернула за край моего плаща. — Спасибо. Если бы не твои искры…

Я ничего не ответил, только молча кивнул, сжимая в кармане все еще горячие пальцы.

Глава 5. Вопросы доверия

Глава 5. Вопросы доверия

Мы разбили лагерь на опушке небольшой рощи, укрытой от ветра густым подлеском. Сумерки стремительно сгущались, окрашивая небо над серыми пустошами в холодный свинцовый цвет.

Небольшой костёр уже весело потрескивал в неглубокой ямке — на этот раз я разжёг его обычным кресалом, хотя ладони всё ещё неприятно саднило после стычки у брода. Элисса привычно и споро крутилась у огня, помешивая варево в походном котелке, а чуть поодаль, привалившись спиной к старому пню, сидел Тоби и при тусклом свете пламени показывал Ноа раскрытый дневник. Сама Ноа держалась в полутени, на самой границе света, баюкая обожжённую правую руку и то и дело поглядывая на свою винтовку, прислонённую к дереву в паре шагов от неё. Я же устроился так, чтобы видеть и её, и тропу.

— Вот, смотри, — Тоби указал тонким пальцем на выцветшую страницу дневника. — Видишь эти знаки? Это значит шалфей и синий лишайник. Никаких редких корней или толчёных самоцветов.

— Если рецепт настолько прост, то можно же самой сделать лекарство? — встряла Элисса, не отрываясь от котелка и подбрасывая в него щепотку сушёных трав.

— Ворч не подпускает к больным никого, — Ноа мрачно покачала головой, глядя на пляшущие языки пламени. — Когда Лиам заболел, я не знала, что делать, и потому обратилась к нему. Он единственный, кто вообще согласился помочь.

Над поляной повисла тяжёлая пауза, нарушаемая только шипением котелка и шелестом ночного ветра в кронах. Мы решали, что делать дальше. С одной стороны, наши собственные поиски так и не сдвинулись с места, и каждый потерянный день уводил нас в сторону от маршрута отца. С другой — я не мог просто развернуться и бросить умирать младшего брата Ноа. Да и сам Ворч, судя по всему, мог знать что-то важное.

Но главный вопрос висел в воздухе невысказанным: могу ли я вообще ей доверять? Всё-таки она целый год служила Ворчу, грабила путников и, судя по всему, без колебаний спускала курок. Решать предстояло мне — я ведь старший.

— Ужин готов, — Элисса сняла котелок с огня, подошла к Ноа и Тоби и протянула им тёплые деревянные миски.

— Я не могу принять, — Ноа инстинктивно дёрнулась назад, попытавшись уклониться от протянутой миски с ароматной, дымящейся похлёбкой.

— Голодать я тебе не дам, так и знай! — сердито, но с тёплой улыбкой ответила Элисса. — Отец бы мне этого не простил. Он иногда бывает недружелюбным и ворчливым, но всегда кормил голодных. Если, конечно, у них были деньги.

— Но мне нечем отплатить, — снова попыталась увернуться Ноа, сжимая здоровую руку в кулак.

— А я не мой отец, — Элисса настойчиво сунула миску прямо в руки Ноа, не оставляя места для споров.

Я тоже взял свою порцию. Первый обжигающий глоток согрел горло — и вместе с этим простым, домашним теплом на секунду вернулся тот давний ужин в кругу семьи, под неспешные рассказы отца у очага. Память кольнула, как тупая игла под сердцем, заставив покрепче сжать деревянную ложку.

— Ворч нехороший человек, но у него много последователей, — негромко подала голос Ноа, выдёргивая меня из воспоминаний. Она так и не притронулась к еде, держа миску на коленях. — К тому же он единственный лекарь в нашей округе, и за это его ценят.

— Ну… — протянул я, косясь на её обожжённые пальцы. — Шарлатаны редко бывают хорошими.

— Я не о том. Он не просто шарлатан. Его защищают, — голос Ноа сделался пугающе тихим, словно она боялась, что даже деревья вокруг могут подслушать.

— Что ты имеешь в виду? — поднял бровь Тоби, отрываясь от своей миски.

— Он… у него есть какая-то сила. Я не знаю, как она работает, но люди меняются рядом с ним, — она на секунду замолчала, подбирая слова. — И ещё: его сила как-то связана с вами, точнее с этим дневником. Похожие руны я видела у него в бумагах, — Ноа кивнула на потёртую книгу, лежавшую у ног Тоби.

Тот мгновенно придвинул дневник поближе к себе и неуловимо, почти рефлекторно отодвинулся от Ноа, прикрыв обложку полой плаща.

— Теперь стало немного понятнее, почему ты не убила нас сразу и не унесла дневник Ворчу, — я решил, что пора брать инициативу в свои руки и расставить точки над «и». — Ты хотела отдать книгу Ворчу как плату за лечение, а нас — сдать ему в придачу. Я прав?

Похоже, я попал в десятку. Ноа сидела на земле, низко опустив голову.

— Так и что теперь? — вмешалась Элисса, переводя взгляд с меня на пленницу.

— А теперь я хочу предложить вот что, — начал я, подбрасывая в костёр сухую ветку и глядя, как с неё срываются вверх крошечные золотые искры. — Мы не можем просто так пройти мимо. Ворч явно знает больше нас, и, возможно, он даст нам нужную подсказку.

Ноа резко вскинула голову, замотала ею и замахала руками — молчи, молчи.

— Вы не понимаете, — зашептала она, испуганно оглядываясь в темноту рощи. — Он опасен. Он не прощает тех, кто не следует его слову. А теперь и я… Если Ворч узнает, что я вам рассказала — а он узнает, он всегда узнаёт, — боюсь, что Лиам погибнет.

— Если Ворч продолжит «лечить» его так же, как весь этот год, он точно погибнет, — твёрдо вмешался Тоби.

В его взгляде я снова увидел тот самый упрямый огонёк, с которым он в детстве впервые открыл отцовский дневник.

— Я не могу простить такого человека, — тихо и зло вставила Элисса, сжимая края своей миски. — Он наживается на чужой беде, на тебе и твоём брате. Я просто сгораю от желания посмотреть в его глаза.

Я невольно сглотнул, покосившись на свои ладони. Не хватало ещё снова случайно поджечь её.

— Я не могу ему перечить, пока Лиам у него, — Ноа медленно поднялась на ноги, так и не притронувшись к ужину, и поставила миску на траву. — Но сидеть сложа руки и ждать, когда что-то решится само собой, я тоже не могу. Тем более сейчас, когда я знаю, что он врал.

Она шагнула к дереву, взяла свою винтовку, привычным движением перекинула её через плечо, обернулась к костру и впервые за всё время нашего знакомства по-настоящему улыбнулась. Но в этой улыбке было столько горькой обречённости, что я сразу понял — она собирается пойти туда в одиночку и совершить глупость.

— Спасибо, что подарили мне надежду, — глухо сказала она, отвернулась и сделала несколько шагов в сторону тропы. — И простите, что наше знакомство вышло таким недолгим. И что я вас чуть не подстрелила.

— Ну, это мы ещё посмотрим, — подорвался я со своего места и в два шага нагнал её, перехватив за плечо. — Тебе ведь нужен план, а у меня как раз есть один.

Ноа резко обернулась и испуганно посмотрела на меня. Но в этом взгляде читался уже не тот животный испуг, что был у брода, когда я выбил оружие искрами. Это был другой страх — тот, который испытываешь не за собственную шкуру.

— План, говоришь? — Элисса прищурилась, исподлобья глядя на меня от костра. — Я, конечно, выслушаю, но не думай, что ты один здесь головой думаешь.

— Именно, — тут же подхватил Тоби, поправляя сумку.

Я вернулся к огню, жестом приглашая Ноа обратно. Она помедлила пару секунд, но всё же подошла ближе, не снимая руки с ремня винтовки.

— Если сунемся в лоб — выйдет плохо, — начал я, чертя носком сапога линию на земле. — Поэтому делаем так. Ноа нас «приводит». Связанные, как пленники. Она сдаёт нас Ворчу вместе с дневником — ровно так, как он и ждал. Подозрений ноль, и мы внутри.

— Ты словно пересказываешь мою идею, — Элисса хитро улыбнулась.

Ноа едва заметно поежилась, вспоминая, что всего полдня назад она действительно собиралась так поступить.

Тоби только молча кивнул. Удивительно было в нём сейчас то, что он не стал спорить или отнекиваться. Не сказал, что дневник слишком дорог, чтобы отдавать его в руки врагу. Просто кивнул.

— А потом, когда Ворч потеряет бдительность — будем думать, что делать дальше, — закончил я уже не столь уверенно, как начинал.

— И это весь твой план? — Тоби слегка занервничал. — Ты придумал, как нам попасть в лапы к Ворчу. Может быть, ты не договорил, и мы должны будем как-то его переубедить?

Я со вздохом помотал головой:

— Главное — не назови его болотной жабой. Или макакой. Или ещё каким дикарским словом.

— С ним не договориться, — наконец подала голос Ноа, молча слушавшая наш спор. — Он слушает только себя.

— Вот видишь? — я развёл руками, глядя на брата. — Мы попадём внутрь и там будем действовать по наитию.

— Не очень-то я представляю, что нас там ждёт, — Элисса упёрла руки в бока, критически оглядывая меня с ног до головы. — И пока ты не придумал что-то по-настоящему стоящее, я хочу предложить свою версию.

— Если план Элиссы окажется лучше — извини, братец, ты проиграл, — Тоби мгновенно переметнулся на её сторону.

Я тяжело вздохнул и махнул рукой: валяй.

— Начало плана у нас совпадает, — кивнула Элисса. — Но вот дальше я хочу предложить кое-что поинтереснее. Ноа, что будет, если привести к Ворчу больного?

— Если у него есть чем заплатить, — задумалась та, нахмурившись, — то, скорее всего, он попробует вылечить. Ему нравится показывать свою власть.

— А если денег нет? — я, конечно, понимал, что её идея превосходит мою, но сдаваться без боя не хотелось.

— Ну, Тоби, ты готов? — Элисса проигнорировала мой вопрос и направила на брата серьёзный, испытующий взгляд.

— Если ты о том, чтобы притвориться больным — то да, — Тоби выпрямил спину, и в свете костра он вдруг показался мне куда взрослее. — Я лучше всех подойду на эту роль. В дневнике описаны разные болезни, думаю, смогу изобразить нужные симптомы. Кроме того, так я смогу попасть туда, где Ворч держит Лиама. Кстати, а где он?

— У него в катакомбах есть специальный отсек, где он держит больных, — Ноа зябко передёрнула плечами. — Лиам должен быть там.

— Катакомбы? — словно пробуя слово на вкус, тихо шепнул я. В голове на мгновение вихрем завертелся недавний танцор в трико, но я усилием воли отбросил эту мысль. Не до него сейчас.

— Главное — не напугай мальчишку, будь отстранённым, пока не выяснишь, что именно с ним, — Элисса провела рукой по волосам, собирая их в хвост. — А когда будешь точно уверен в лечении — твой выход.

— Может, вы забыли, но в этом плане есть небольшой изъян, — я всё же не хотел оставаться в стороне. — Деньги. Ведь у нас их нет.

— Я же говорила, что наши планы совпадают? — прищурилась Элисса. — Смотри: Ноа ведёт троих пленных, случайно зашедших куда не следовало. Один из них тяжело болен. Мы просим Ворча вылечить Тобиаса, а в качестве платы отдаём ему дневник. Тобиас проникает к Лиаму, оценивает ситуацию и принимает решение. Мы же в это время будем играть роли обычных, ничего не подозревающих путников.

— Допустим, твоя идея сработает, — не унимался я. — Мы отдаём дневник, но Ворч же не просто какой-то деревенский знахарь. Он наверняка поймёт, что такая книга у нас неспроста.

— Всё проще простого. Нашли и понятия не имеем, что это такое. Сделаем лица попроще, покажем ему свои пожитки, скажем, что шли в сторону Рунмару, а в скалах наткнулись на следы крови и эту сумку.

— Рунмару? — Тоби тут же навострил уши, услышав новое название.

— Крупный торговый город на севере, — бросила Элисса в ответ. — Там как раз скоро праздник. Дней десять пути отсюда, ворота на юге и на западе. Фестиваль урожая.

— Ага, понял, — быстро кивнул он, повторяя про себя. — Юг и запад. Урожай. Всё, запомнил. Теперь, если спросит — я вооружён.

— Ну ладно, — наконец сдался я, глядя на решительные лица спутников. — И когда выступаем? Утром?

— Думаю, что лучше прямо сейчас, — Ноа подняла взгляд на бледную луну, пробившуюся сквозь тучи. — Ворч со дня на день ждёт, что я принесу деньги или что-то ценное за новую порцию лекарства. С ним лучше не тянуть и не спорить.

Я посмотрел на догорающий костёр, на тёмный силуэт винтовки за спиной Ноа и на Тоби, который сжимал в руках дневник отца — единственную нить, связывающую нас с прошлым. Мы собирались добровольно войти в логово врага, доверив свои жизни девушке, которая пару часов назад готова была пустить нам пулю в колено. Но выбора у нас действительно не оставалось.

Глава 6. Цена лекарства

Глава 6. Цена лекарства

Собрав лагерь и забросав едва горевший костёр песком, мы отправились за Ноа. Она вела нас на восток, вглубь сурового каменного плато, в сторону от маршрута, указанного в заметках отца. Даже если Ворч не скажет о нём ни слова, любая зацепка окупит этот крюк.

Ночь опустилась на пустоши плотным, ледяным покрывалом. Ветер свистел в расщелинах, поднимая мелкую каменную пыль, а бледный свет луны выхватывал из темноты причудливые тени валунов, похожие на затаившихся чудовищ.

Связать себе руки мы решили ближе ко входу в катакомбы, поэтому пока шли просто группой. План был составлен, до логова лекаря оставалось ещё около часа пути, и я решил уточнить пару деталей.

— Слушай, я вот что хотел узнать, — негромко заговорил я, поравнявшись с Ноа. — Ты намеренно ждала, что кто-то будет проходить у реки?

— У меня было две цели. Первая — не подпускать к катакомбам незнакомцев. Река тут одна, и брод один — все, кто идёт с юга, выходят к нему рано или поздно. Вторая… — она на секунду замолчала, глядя себе под ноги. — Добыть ценности для оплаты лекарства.

— Вот оно что, — Элисса приблизилась ко мне вплотную и шепнула на ухо, обдав запахом ночной прохлады и лаванды: — Всё ещё не доверяешь ей?

Я не мог толком разглядеть её лица в темноте, но даже призрачного лунного света хватало, чтобы внутри у меня в очередной раз всё перевернулось.

— Не то чтобы совсем не доверяю, — буркнул я, отводя взгляд в сторону. — Скорее проверяю.

— Это справедливо, — Ноа обернулась через плечо. — Вы меня почти не знаете. Можете мне не верить. Но я верю вам.

Повисла тяжёлая тишина, нарушаемая только хрустом гравия под сапогами и далёким, тревожным клокотанием ночных птиц.

— Так и какую бы болезнь мне сыграть? — Тоби шёл позади всех, глубоко погружённый в свои мысли и придерживая сумку.

— Каменную лихорадку он вычислит быстро, если «лечит» Лиама, — сразу отреагировала Ноа.

— Да, это не подходит, — Тобиас на секунду остановился и нахмурился ещё сильнее. — Надо что-то такое… не очень серьёзное, но довольно распространённое. Может быть, пусть меня укусит пустынная змея? Они ведь водятся здесь?

— А следы от укуса? — помотал я головой. — Или предлагаешь мне тебя укусить?

— Яд пустынной змеи убивает за несколько часов, — сухо отрезала Ноа. — И их тут не встретишь.

— А ты много знаешь, — Элисса с интересом наклонила голову. — Давно вообще ты работаешь на Ворча?

— Примерно год, — девушка заметно замедлила шаг. — Наши родители разошлись. Отец уехал далеко на восток, а мама нашла себе нового мужчину, и мы ей стали не нужны. Соседка, что заботилась о нас, умерла, и мы остались вдвоём. Как раз после этого Лиам и заболел.

— И снова дети-сироты… — тихо сказал я в темноту.

— А как я вообще узнаю Лиама? — подал голос Тоби. — Про болезнь я в принципе уже придумал, но мне надо знать, как он выглядит.

— Сейчас ему семь, — начала Ноа, и голос её едва заметно дрогнул. — Но я не уверена, как он выглядит теперь. Не видела его целый год. Светлые короткие волосы, глаза цвета камня — так было тогда.

— Стоп, подожди, — я перебил её и обернулся к Тоби. — Что ты решил-то?

— У меня болотный озноб, — выдал брат. — Лечится несложно, симптомы простые: круги под глазами, болезненный вид, мелкая тряска и спутанная речь. Трястись и путаться в словах я умею.

Я вспомнил его недавние попытки дипломатии в джунглях и криво усмехнулся. Путать слова он и правда умеет.

— Мы уже близко, — Ноа резко остановилась у подножия чёрной скалы и подняла руку. — Дальше идём, как договаривались.

Она достала из сумки моток грубой бечёвки и принялась связывать нам руки — крепко, со знанием дела, но так, чтобы верёвки не впивались в кожу и не пережимали кровь. «Клинок» Ворча умел и это. Когда Ноа затягивала узел на моих запястьях, наши взгляды встретились, и в тусклом свете луны я увидел в её глазах немую просьбу: не подведите.

Первым в колонне шёл я. За мной Тобиас, уже вовсю стучащий зубами и надрывно кашляющий. Замыкающей шла Элисса. Ноа вела нас за собой, словно пленных на поводке.

В темноте мы вышли к глубокой расщелине, откуда тянуло сыростью и затхлым, нежилым холодом. Внутрь уходил освещённый коптящими факелами деревянный трап. По обе стороны от входа стояли две высокие фигуры в серых балахонах с низко надвинутыми на головы капюшонами — неподвижные, как те древние статуи из отцовских рассказов. Ноа коротко кивнула им, но капюшоны даже не шелохнулись.

Когда мы проходили мимо них, никто не повернул головы — но кожей, самым затылком я почувствовал: меня прощупали с ног до головы, словно взвесили на невидимых весах.

Узкий каменный коридор вёл вниз, туда, откуда доносился голос. Властный, обволакивающий и при этом пугающе мягкий. Так говорят те, кто привык, что их приказы выполняются прежде, чем успеет дозвучать последнее слово.

— Скажи мне, что ты принёс то, что я просил, — голос гулким эхом отскакивал от влажных стен.

Кому он говорил, я ещё не видел, но против воли вдруг захотел ответить. Кажется, эти слова проникали прямо под череп — этот голос велел, и сопротивляться ему было мучительно трудно.

— Это Ворч, — едва слышно шепнула Ноа, не оборачиваясь. — Старайтесь не слушать его и не смотреть в глаза. Я говорила: люди рядом с ним меняются.

— Д-да, господин, конечно, господин, — трусливо и торопливо отозвался отвечавший.

— Тогда иди, — мягко сказал Ворч.

Спустившись в большой круглый зал, освещённый сотней толстых свечей, мы наконец увидели говорившего. Он был высок и коренаст. Голова его была гладко выбрита, а узкие глаза напоминали тёмные щелочки, в которых не отражался даже свет огня. Он был облачён в длинный чёрный балахон со странными серебристыми узорами на рукавах и смотрел на нас так, словно с самого утра ждал нашего прихода.

— А вот и ты, Ноа, — Ворч улыбнулся. Не добро, а как-то хищно и ехидно. — Твой брат как раз должен получить новую порцию.

Ноа поспешно отвела взгляд в сторону.

— У реки болтались трое, я привела их к вам. Один болен.

— Болен? — наигранно расстроенно протянул Ворч. — Бедняжка. Я посмотрю, что с ним.

Он плавно подошёл ближе и вопрошающе уставился на Тоби.

— Что с тобой, юноша? — его тёмные глаза-щелочки не выражали ни капли сочувствия.

— Холодно… голова кружится, — сбиваясь и мелко трясясь, забормотал тот. — Похоже, зря я ходил на болота…

Я наблюдал за их разговором, с трудом сдерживая дрожь. Что-то внутри меня глухо, тревожно бушевало — не мои привычные искры, а нечто иное, словно в грудь подселили чужой, холодный камень, от которого хотелось бежать без оглядки. Элисса низко опустила голову, пряча глаза за волосами, и не шевелилась.

— Болотный озноб, — вынес вердикт Ворч. — Я займусь им. Надеюсь, вам есть чем заплатить за лечение.

Ноа молча протянула потёртую сумку, которую перед входом забрала у Тоби. Брат напряжённо проводил её взглядом.

— Это было у них.

— Давайте посмотрим, — Ворч развязал клапан, заглянул внутрь, и его узкие глаза на миг хищно сверкнули. — Этого хватит. А что же для маленького Лиама?

— Другие двое, — коротко бросила Ноа. — Пусть поработают внизу, пока вы лечите третьего.

— Ладно, я думаю, этого достаточно. Капитан, отнесите это ко мне.

Из той части зала, куда не доставал свет свечей, тяжело ступая, вышел человек, закованный в глухие стальные доспехи. Он покорно взял сумку и скрылся в той же темноте. Тоби смотрел вслед книге, не отрывая глаз — в его взгляде читались одновременно и ужас, и упрямая решимость во что бы то ни стало вернуть дневник.

— Ну что ж, мои дорогие, — Ворч говорил мягко, но от этого голоса по спине бежали мурашки. — Расскажите мне, откуда вы и куда направляетесь.

— Мы шли в Рунмару, на фестиваль, — подала голос Элисса. — Но недалеко от реки Тобиасу стало плохо, и мы разбили лагерь.

Она не смотрела на Ворча: голова её была покорно опущена, а плечи мелко подрагивали.

— Да, фестиваль в этом году обещает быть знатным, — кивнул Ворч. — В прошлом году и я бывал там. А что же ваша сумка?

— Это не наша. Точнее, не совсем наша. Когда мы остановились у каньона недалеко от реки, я услышала странный крик и пошла на звук. Мальчики тогда собирали хворост для костра, — начала свой рассказ Элисса. — Когда я вышла из-за большого валуна, увидела крупную птицу, которая трепала эту сумку. Птица испугалась и улетела, а сумка осталась. Я заглянула, увидела какую-то старую книгу и решила взять с собой. Может быть, почитаю на досуге.

— И ты её читала? — из голоса Ворча разом ушли все мягкие нотки, теперь он звучал как удар кнута.

— Нет, — покачала головой Элисса, по-прежнему глядя себе под ноги. — Я не поняла, что там за язык.

— Правильно, — Ворч вплотную подошёл к Элиссе и положил тяжёлую, холодную ладонь ей на плечо. Девушка едва заметно вздрогнула. — Правильно сделала, что не читала её. Это церковная книга.

Я стоял и молча поражался её выдержке. Она на ходу поменяла легенду, и теперь наша история звучала куда правдоподобнее.

— Можете идти, — Ворч отвернулся, потеряв к нам всякий интерес. — Три дня — и я поставлю на ноги вашего друга. Поможете в это время капитану. Пойдём, мальчик.

Ноа быстрым движением полоснула ножом по нашим путам, освобождая руки. Из тени снова выступила закованная в металл фигура, жестом приказывая следовать за ней, а Ворч уже уводил сгорбившегося Тоби в противоположный проход. Я смотрел брату в спину и изо всех сил пытался передать ему мысленно: держись, я приду за тобой. Ноа так и осталась стоять посреди зала с опущенными руками, сжимая нож.

Капитан, не проронив ни звука, повёл нас ещё ниже по скользким ступеням, и через пару минут мы оказались в грязной, сырой и плохо освещённой комнате вдали от главного зала. Стоило тяжёлой двери за нами захлопнуться, отсекая гнетущий воздух верхнего уровня, как Элисса шумно, прерывисто выдохнула. Дрожь в её плечах мгновенно прекратилась, спина выпрямилась, а взгляд снова стал острым и колючим — маска испуганной простушки была сброшена.

— Вашим заданием будет помощь в сборе материалов, — глухо проговорил капитан из-под шлема. — Девчонка будет собирать травы. А ты — ещё ниже. В шахту.

— Меня зовут Элисса, — тут же возмутилась та, вскинув подбородок. — Я вам не девчонка.

Капитан замер. Доспехи его чуть дрогнули — он отступил на полшага, словно от невидимого удара.

— Что ты делаешь? — отчаянно шепнул я ей. — Зачем ты назвала ему своё имя?

— Элисса, значит? — из шлема капитана послышался глухой смех, похожий больше на кашель. — Давно я не слышал, чтобы кто-то мне перечил. Да ещё так нагло.

Он поднял руки, снял тяжёлый шлем, и мы наконец увидели его лицо. Густые усы, кое-где уже тронутые сединой, короткие светлые волосы, тяжёлый, выдающийся подбородок и небольшой, едва заметный шрам на щеке в форме креста.

— Я не буду называть тебе своего имени или расспрашивать подробности вашего визита, — капитан окинул нас усталым взглядом. — Я лишь выполняю свой долг перед королевством.

— Королевством? — переспросил я.

— Приказ его величества — оказывать церкви всю помощь, какая потребуется, — капитан медленно провёл рукой по усам. — И сейчас церкви требуется, чтобы я был здесь.

— Зачем вы всё это нам говорите? — Элисса исподлобья взглянула прямо в лицо рыцарю.

Её глаза словно проваливались в душу. Капитан невольно поежился, и я вместе с ним. Мне показалось, что она смотрит не в глаза воину, а глубже — туда, куда заглядывать запрещено. И ему от этого взгляда не укрыться ни за седыми усами, ни за стальным нагрудником.

— Ох, что за детишки пошли, — капитан криво усмехнулся, пытаясь отвести взгляд в сторону. — Дерзят старшим и ничего не боятся.

— Вы не ответили мне, — Элисса упёрла руки в бока.

— Элисса, не перегибай палку, — я попытался одернуть её за рукав, но было уже поздно. В ней снова проявилась та упрямая черта, что я заметил ещё в таверне: если дело идёт не так, как ей хочется, она будет стоять на своём до победного.

Капитан снова усмехнулся в усы, но в глазах его проступила глубокая, старая грусть.

— Ты напомнила мне мою сестрёнку, — просто ответил он. — Она такая же дерзкая, когда дело касается допросов.

— Ваша сестра тоже служит Ворчу? — Элисса не унималась.

— Не Ворчу — церкви, — капитан тяжело вздохнул. — Никуда от тебя не деться, да?

Я не верил своим глазам. Элисса, которая наверху боялась даже поднять голову при виде лекаря, здесь, внизу, свободно допрашивала королевского рыцаря.

— Король издал указ направить все свободные силы на поддержание церкви, — продолжал раскрываться капитан, глядя куда-то мимо нас. — Иногда мне кажется, что это церковь руководит королевством, а не наоборот.

На этих словах он резко осекся, словно спохватился, что сболтнул лишнего. Рыцарь снова надвинул шлем на голову, скрывая лицо.

— Следуйте за мной, — снова глухим, казённым звуком донеслось из-под забрала.

Глава 7. Договор с демоном

Глава 7. Договор с демоном

Капитан разделил нас и определил меня в группу, которая добывала какую-то руду в темной шахте. Ни что это за руда, ни для чего она, мне не сообщили. Темноты я не боялся, но страх случайно запалить искры руками обострился.

Элиссу отвели к какой-то женщине, по имени Верта. Насколько я понял, она была главная по травам и растениям. Так начались наши трудовые будни. Пересекались мы только несколько раз в день и обменивались новостями.

— Верта здесь уже больше трёх лет, - шептала Элисса во время нашего очередного пересечения. – Она пришла к Ворчу за снадобьем для мужа, и потом осталась здесь.

— Да уж, странно получается, - шептал я в ответ. – Дед, который работает со мной в шахте тоже не первый год здесь. И как будто ему это даже нравится.

— Самое интересное, что муж Верты не выжил после лечения Ворча. – Элисса наклонилась ко мне поближе, и я почувствовал, как щеки запылали. – Я начинаю переживать за Тоби.

Я невольно сглотнул и смущение от близости улетучилось.

— Он умный парень, - стараясь звучать уверенно проговорил я. – Разберется что не надо глотать Ворчевы снадобья.

Я сам не верил в свои слова и все больше переживал за брата. Муж Верты умер после лечения, Лиам болеет уже год. Мне стало по-настоящему страшно.

— Эй, ты, задохлик, - я услышал окрик и обернулся. – Хватит болтаться без дела. Бери эту корзину и неси наверх.

Дед, что позвал меня взвалил на плечо железную кирку и указал свободной рукой на тяжелую корзину с камнями.

— Позже увидимся. – шепнула Элисса и скрылась в темноте катакомб.

Корзина оказалась не просто тяжелой, она весила словно скала, и я, едва не повалившись на каменный пол, понёс её наверх. Дед шел немного впереди меня то и дело оглядываясь и проверяя, не помер ли я.

Поднявшись в очередной зал, я застыл. У нашего выхода стояла Ноа.

— Дальше я его поведу. – посмотрела она на старика.

— Да пожалуйста, - дед смерил меня взглядом. – Только верни его целым, у него еще много работы.

Он развернулся и скрылся в темноте спуска.

— Ты как? – Ноа взглянула на мои руки. – Феринг не очень-то любит, когда забирают его игрушки, но мне он не станет перечить.

— Кажется, ты не просто клинок Ворча. – я наконец поставил корзину на пол и выдохнул.

— У меня есть некоторые полномочия, - уклончиво ответила девушка. Всё-таки она не до конца нам открылась.

Ноа сунула мне в руку какой-то клочок бумаги и уже приказным тоном, чтобы не вызывать подозрения у проходившего мимо мужчины, велела мне следовать за ней.

— Поставь здесь! – не глядя на меня произнесла Ноа, когда мы прошли еще несколько залов. Я с уханьем опустил корзину и осмотрелся. В этот зал стекалось много рабочих со всех уровней.

— Что это за бумага? – шепотом спросил я, боясь, что меня подслушают другие люди, а их было больше дюжины.

— Не здесь. – так же шепотом произнесла Ноа. – Через несколько часов в коридоре между шахтами. У нас будет минут 10. Элиссу я уже предупредила.

— А теперь! – громко произнесла Ноа, - Возвращайся в шахту.

Феринг уже ждал меня с киркой и дал мне новое задание.

— В южном проходе на днях случился обвал, ты идешь помогать его разбирать.

До встречи с Ноа и Элиссой в коридоре оставалось не очень много времени, поэтому я быстро направился туда, куда мне указал Феринг. Обвалом это назвать было сложно, потому что южный проход был попросту перекрыт огромной глыбой какого-то странного цвета. Кроме меня здесь трудилось еще трое.

Я покрепче сжал свою кирку и ударил. Звук получился такой, словно били железом о железо.

Руки неистово задрожали и сделав новый удар я выронил кирку.

Трое моих коллег даже не посмотрели на меня, лишь один ехидно хмыкнул, мол, слабак.

Я вновь схватил кирку и в этот момент заметил, что кончики пальцев у меня засветились. Словно мой внутренний демон отозвался на звук удара.

Я сделал еще удар, запомнив ощущение света на пальцах. В этот раз звук стал другим, глухим. Никто, впрочем, не обратил внимания, и троица продолжала бить по глыбе.

Каждый новый удар делал то, чего я совсем не ожидал. Он раскалял мои пальцы, и я, чувствуя тепло, продолжал колотить еще сильнее.

В темноте прохода, лишь слабо освещаемого огарками свечей, мои руки начали краснеть, и это стало заметно не только мне.

— Эй, малой, ты бы притормозил, - уставился один из рабочих на меня. – Совсем руки в кровь разбил.

Я остановил удар на середине и посмотрел на руки. Они были красные, но не от крови, а от света, исходившего от них. Мой демон научился не искрить, а греть.

— Да что-то разошлось... — пробормотал я, отбросив кирку и спрятав руки. – Пойду остужусь.

Троица рабочих продолжила колотить, а я быстро стал отдаляться.

Что же это со мной? С детства я боялся искр, и до сих пор продолжаю бояться, но это тепло в ладонях – это что-то иное. Словно демон пытается со мной общаться. Через тепло хочет сказать – прими меня, я часть тебя.

Я нервно помотал головой словно отгоняя от себя эти мысли. До встречи почти не оставалось времени, и я направился в коридор между шахтами, где должны были ждать девушки.

— Тихо, пока у стражи пересменка. – шептала Ноа в полутьме. – Записка что я дала тебе – это от твоего брата.

— Как? – чуть не крикнул я, но Элисса закрыла мне рот своей рукой. От нее пахло свежей травой.

— Нашла в корзине со склянками. Это точно от него. Кто еще будет писать так заумно? – продолжала шептать Ноа.

Дрожащими руками, в которых еще чувствовались отголоски тепла, я достал из кармана записку.

«Зейн. Лиам жив и, по всем приметам, в порядке: Ворч дал ему какое-то снадобье и ему стало лучше, чем когда я его увидел. Но после этого стража дважды за день увела его куда-то вниз, к запертому спуску. Вернулся он бледным, руки ледяные. На вопросы одно: "Потерпи, пока спрашивать нельзя". Не суйтесь. Тобиас»

— Он нашел Лиама! – шепотом воскликнул я.

— Да. – Ноа, впрочем, не выказывала радости. – Меня смущает, что его куда-то водят дважды в день.

— Да, выглядит подозрительно, тем более что он возвращается бледным. – задумчиво сказала Элисса. Затем взгляд её скользнул по мне. – Что у тебя с руками?

Я был слишком небрежен и дал волю эмоциям, а потому мои руки снова заалели.

— Это всё шахта, - попытался отмахнуться я. – Тяжелая работа руками.

Даже в полутьме я почувствовал на себе её тяжелый, пронзительный взгляд. Она ничего не ответила, но не думаю, что поверила.

— Так что дальше делать будем? – поспешил я перевести тему.

— Ворч сказал, что поставит твоего брата за три дня, сегодня первый. – Ноа принялась размышлять. – Значит у нас остается два дня.

Она прижала ухо к стене.

— Кто-то идёт.

И Ноа первой пошла прочь. Буквально через несколько секунд послышался лязгающий звук и из темноты появилась фигура в доспехах.

— Я ничего не слышал, - донеслось из забрала со знакомым смехом, напоминающим кашель. – Но, если бы слышал, не советовал бы идти против Ворча.

Грохот доспехов затих в проходе, и я остался наедине с Элиссой.

— Бракованные спички, работа в шахте… - Элисса шептала быстро, пока еще кто-то не объявился. – Я же не слепая. Ты снова искрил?

— Нет. Не совсем. Я сам не могу это объяснить. Словно внутри меня что-то живет. Оно живое и умеет управлять огнем. – я понял, что врать бессмысленно.

— Вот как? – Элисса сделала шаг к выходу. – Надеюсь, это была последняя твоя ложь?

Шаги Элиссы затихли в глубине коридора. Я крепко сжал руки в кулаки, затем расслабил и щелкнул пальцами. Мои руки высекли не искры, а пламя, словно в руках была свеча.

«Что ты такое?»

«Я часть тебя.»

«Откуда ты взялся?»

«Я всегда был здесь.»

«Что ты хочешь от меня?»

«Прими меня.»

Впервые я не хотел гасить пламя в своих руках.

Глава 8. Исповедь в свинарнике

Глава 8. Исповедь в свинарнике

Ночь наступила внезапно. Не тогда, когда в остальном мире темнеет, а когда задули все свечи, и свет в катакомбах оставался лишь в руках у стражников. Они ходили по проходам с факелами, заглядывая в каждую щель.

Мы с Элиссой встретились после нашей беседы только ночью. Руки до сих пор горели, и я не знал, стоит ли ей рассказывать о договоре с моим демоном.

В помещении, где мы должны были провести ночь, не было кроватей. Пол был устелен соломой, и все лежали кто как хотел. Я ожидал, что здесь будет много страдающих и плачущих людей, но ошибся.

Все находившиеся здесь были в приподнятом настроении, весело переговаривались, а кто-то даже пел песни. Не потому ли Ноа говорила, что люди меняются рядом с ним? Здесь, в этих катакомбах с каторжным трудом они не плачут, а веселятся. Неужели они считают, что в их жизнях всё хорошо?

— Тебе не кажется это место странным? – за мной стояла Элисса, приглаживая свои волосы.

— Странным? – переспросил я. – Не просто странным, а неестественно странным. Эти люди здесь не от хорошей жизни, но посмотри на них. Словно свиньи на убой.

— Да, напоминает наш свинарник. – отозвалась девушка. Что-то в её голосе показалось чуждым.

— Ты хочешь их освободить? – я решился спросить то, что беспокоило меня самого.

— Не думаю, что им это нужно. – так же отстраненно ответила Элисса.

Что-то в её голосе показалось мне странным, и я посмотрел на неё. Она стояла, не глядя на меня, погруженная в свои мысли.

— Слушай, насчет того, что было, - осмелел я.

— Хочешь рассказать правду? – она слегка оживилась и присела рядом.

— Только то, что сам понимаю. – почесав затылок, кивнул я. – Впервые это проявилось, когда пропал отец. Я щелкал пальцами по привычке, и случайно высек искры. Потом я долго боялся этой своей привычки, потому что мог ненароком что-то поджечь.

Элисса легонько ткнула меня носком сапога в голень. Я уже и позабыл, как сжёг её сапог.

— Десять лет я старался научиться контролировать это в себе. – продолжил я. – Иногда получалось, иногда не очень. Тогда у реки, когда нас чуть не пристрелили, это был первый раз, когда я почувствовал, что искры могут мне повиноваться.

Элисса смотрела на меня и время от времени кивала.

— А сегодня, когда я был в шахтах и долбил какую-то каменную глыбу, мои руки отозвались неестественным теплом. – мой голос стал тише и совсем перешел на шепот. – Тогда я услышал внутри себя его. Я называю его внутренним демоном.

Элисса негромко ахнула, но не отодвинулась.

«Покажи ей. Ей можно верить.»

— Он просит, чтобы я показал. – прошептал я совсем тихо.

— Здесь? – так же тихо уточнила Элисса. – Здесь же уйма народу. В темноте нас сразу увидят.

«Не бойся, они не заметят. Они заняты лишь собой.»

— Он говорит, что никто не заметит. – шепнул я и тихо щелкнул пальцами.

На долю секунды мне показалось, что сотни глаз обращены в нашу сторону, но песня, которую распевали в дальнем углу привлекала всё внимание местных жителей.

Из кончика указательного пальца вырвался едва заметный огонек, который погас через полсекунды, но этого хватило, чтобы озарить светом лицо Элиссы. Оно не было перекошенным от ужаса, оно было заинтересованным.

— Ты можешь его контролировать? – спросила Элисса когда огонёк погас.

— Не знаю, это лишь второй раз, когда зажглось пламя. – помотал я головой.

— И что дальше? – вопрос Элиссы застал меня врасплох.

— Он предлагает контракт. Хочет, чтобы я принял его. – тихо закончил я.

— А у тебя есть выбор? – Элисса взяла мою руку, ту самую, где еще минуту назад горел огонек. – Если это часть тебя, то как бы ты ни хотел, ты не сможешь отбросить её.

Её рука была тёплой и мягкой. Я не помню маминых рук, но, наверное, они были такими. И только потом я понял, что не чувствую привычного покалывания в пальцах. Впервые рядом с ней во мне не вспыхнуло ничего.

— Давай попробуем поспать? – предложил я, не отпуская её руку. – Завтра будет тяжелый день. Еще брата спасать.

Элисса хихикнула.

Разбудил нас громкий и неприятный звук. Как будто кто-то с силой дул в ржавую трубу.

— Ну же, поднимайтесь. – кричал один из стражников на ворочавшихся на сене людей. – Сегодня у нас важный день, так что пошевеливайтесь.

Большая часть рабочих уже пробиралась к выходу из пещерной спальни, когда я заметил среди стражников Ноа. Она сделала вид, что смотрит в другую сторону, но при этом кивнула. Не вызывая подозрений, мы с Элиссой начали вклиниваться в толпу.

— Опять работа. – гневно высказался мужчина, шедший позади меня. – Я думал, вчера был мой последний день. Сколько же еще это будет продолжаться?

— Заметил? – едва слышно проговорила Элисса.

— Ну да, он не доволен подъемом. – зевнул я.

— Значит не заметил. – нахмурилась девушка. – Вчера он веселился и пел песни, говоря как ему тут хорошо. А сегодня что-то изменилось.

— Да? – удивился я. – Любопытно.

Подойдя наконец к выходу из спальни, кто-то дернул меня за рукав, и я машинально вылетел из толпы.

— Не вызывай подозрений, ты просто споткнулся. – услышал я шепот. – Тебе нельзя идти с ними.

Я поднялся на ноги в тот момент, когда почти весь человеческий океан уже покинул зал. Стражники тоже вышли и в зале осталось лишь несколько опаздывающих стариков, я и Ноа.

— Что значит нельзя с ними? – переспросил я.

— Утренний сеанс Ворча. – коротко бросила Ноа. – Раз в несколько дней все, кто живет в катакомбах должны слушать его проповедь. Так они остаются ему верны.

— Ты не говорила этого раньше. – я прищурился и посмотрел на Ноа.

— Я говорила, что люди меняются. – Ноа отвернулась.

— Это не одно и то же. – я продолжил напирать. – И почему только я?

— Элиссу ему не удастся поработить. – Ноа осмотрелась. – Люди с сильными чувствами могут сопротивляться.

— А как же Тоби? И я? Ты думаешь, нас он поработит? – не унимался я.

— Я не хочу это проверять. – отрезала Ноа.

— Не понимаю я этого. – выдохнул я. – Скажи, как есть.

— Я говорила однажды, что вы с ним похожи. – Ноа говорила прерываясь. – Так вот. Не хочу, чтобы ваши силы схлестнулись. Неизвестно, как в тебе отзовется твоя сила в ответ на его.

— А больные? – задал я напоследок еще один вопрос.

— Их не бывает на проповеди. – бросила Ноа. – Я ни разу не видела там Лиама. Хотя и надеялась увидеть. Только эта надежда спасала меня от контроля. Ему не удалось сломить меня.

Как там Элисса? Не хочу думать, что Ворч сможет сломить её. Ноа права, у Элиссы есть то, что невозможно сломить.

Оглядываясь, Ноа повела меня из зала-спальни по коридору в противоположную от толпы сторону. На стенах прыгали отблески свечей и факелов, и наши тени то и дело превращались в чудовищ. Вход в следующих зал был закрыт тяжелой дубовой дверью.

Ноа постучала. «Тук. Тук-тук. Тук-тук-тук».

Глава 9. Люди не щелкают

Глава 9. Люди не щёлкают

Капитан сидел на каменном стуле и поглаживал усы. Он посмотрел на меня оценивая, и кивнул.

— Только он? – наконец сказал тот. – Девчонку не привела?

— С ней ничего не случится. – ответила Ноа.

Я решительно не понимал происходящего. Капитан и Ноа в сговоре? Или она меня привела сюда для допроса? Вопросов становилось всё больше, а ответов – нет.

Капитан поднялся и протянул руку в тяжелой железной перчатке.

— Адельфорд Штайн. Элиссу я уже знаю, а ты?

— Ему можно верить. – Ноа повернулась ко мне кивая на капитана.

На чем были основаны её слова? Что здесь делает капитан, который служит королю, церкви и Ворчу? Снова гора вопросов.

— Подождите минутку. – я не торопился пожимать протянутую руку. – Что вообще происходит?

— Если коротко, – Штайн не убрал руку, – После нашего вчерашнего разговора, у меня в голове что-то щелкнуло. Когда я увидел свою сестру в той девчонке, у меня прояснилось в памяти. Я, как королевский рыцарь, должен защищать людей, а не быть прислугой у церкви.

Перемены в поведении капитана показались мне слишком быстрыми. Еще недавно он делал то, что велит Ворч, а сейчас словно подстрекал меня. Такие перемены за день – не нормально. Хотя я же сам недавно видел, как певший вчера песни рабочий, сегодня был недоволен своим положением.

— Допустим. – стиснув зубы кивнул я. – И что дальше?

— Я же вчера предупредил вас, - капитан так и стоял с протянутой рукой. – Чтобы вы не делали того, что задумали. Это не значит, что не стоит этого делать. Вам понадобится моя помощь. Нет, не то. Мне нужна твоя помощь.

— И что же господин Штайн от меня хочет? – я не торопился жать его руку.

— Свободы.

Секунда раздумий обратилась в вечность. С таким человеком как капитан, который близок Ворчу, наш план по спасению Лиама только выиграет. Но что будет, если это ловушка?

Ноа всё это время стояла и косилась на дверь, не пройдет ли кто мимо.

— Какой свободы? Для кого и от чего? —в конце концов спросил я.

— От порядка. От церкви и от Ворча.

— Давайте быстрее. Кажется, кто-то идёт. – Ноа выглядывала в коридор и заметно дергалась.

— Ну так что, юноша? – капитан словно подгонял меня принять решение. Выбора у меня, впрочем, не было. Либо я соглашаюсь с ним, либо… Я даже думать не хочу, что может случиться.

— Зейн. – коротко бросил я, пожимая руку капитана.

— План обсудим позже, а сейчас я сопровожу тебя в шахту. – он надел свой тяжелый шлем и вышел за дверь.

— Найди Элиссу и передай ей, что у нас новый союзник. – тихо сказал я Ноа, следуя за Штайном.

Пройдя по одинаковым коридорам мы вышли в небольшое помещение, где я вчера уже был. Сюда доставляли корзины с породой. Работа уже кипела.

— Ты где шлялся, малой? – Феринг уже ждал меня наперевес с лопатой.

Стоило ему увидеть около меня капитана, как дед поперхнулся.

— Простите, капитан. Я не знал, что его увели вы.

— Можешь забирать его. – голос за металлическим забралом холодно ответил Феринг.

Мне стало не по себе. Он играет. Но перед кем — перед Феринг или передо мной?

— Да, спасибо. – выдавил Феринг и как только капитан повернулся, дал мне затрещину. – Ты чего натворил?

— Ничего, – потёр я затылок. – Он просто увёл меня утром и задавал какие-то вопросы.

— Вопросы? – покосился на меня дед с лопатой. – Какие? Надеюсь, он не спрашивал про меня?

— Про вас нет, - я сделал вид что задумался. – Вроде нет.

— Ладно, малой, хватит языком чесать, вперед за работу. – хлопнул меня по плечу Феринг.

Странная перемена в его отношении заставила мою голову работать. Феринг что-то знает, или сделал что-то, чего не должен. А что может знать человек из шахты? Эти мысли не давали мне покоя следующие несколько часов, и будучи погруженным в размышления я не заметил, как меня окликнули.

— Малой, перерыв. – Феринг бросил мне в руки сверток. – Ты это, перекуси. А то поди не ел со вчера.

Только сейчас я понял, что в последний раз ел прошлой ночью, когда мы собирались в логово Ворча.

— Если капитан спросит, - подмигнул мне мой начальник смены. – Я хороший начальник.

Я сел на камень, развернул сверток, в котором оказался ломоть хлеба и кусок сыра, и жадно впился зубами в скромный обед. Надеюсь, в больничном отсеке людей кормят. Хотя конечно же кормят. Если Лиам там уже год, значит он что-то ест.

— Я здесь уже второй десяток лет, - вздохнул Феринг. – А всё никак не поднимусь выше начальника смены. Хочу повышение.

— Второй десяток? – я чуть не подавился. – Так долго?

— И всё еще начальник смены. – обижено подтвердил Феринг.

— Что же вы здесь столько времени добываете? – я попытался прощупать почву. Раз уж дед-начальник начал откровенничать, я этим воспользуюсь.

— Да я и сам то не очень понимаю. – дед махнул рукой. – Сказали копать, мы и копали. Камни какие-то вывозим, а для чего никто так и не говорит. Ну ничего. Когда поднимусь по должности – буду знать. Лишь бы дожить. Каменная лихорадка в последнее время не щадит никого.

— Лихорадка? – я даже подавился.

— Да, малой, лихорадка. Многих она унесла. Господин Ворч лечит людей, но не все справляются. Сам видел, как выносили несколько тел. – дед крякнул, вставая со своего булыжника, и пошел к другим рабочим.

Я остался наедине со своей догадкой. Каменная лихорадка здесь не редкость. Многие не выживают. Лиам болен именно ей. Его куда-то водят дважды в день. Теперь еще и тела.

Феринг ещё не успел дойти до дальних рабочих, а звук шагов уже приблизился с другой стороны. Я поднял голову — с корзиной в руках, обходя лужи масляных бликов, ко мне шла Элисса.

— Верта велела отнести вниз склянки, — тихо сказала она, присаживаясь на корточки рядом с моим камнем, будто проверяла, не размок ли он. Взгляд её при этом скользнул по моим рукам. Кажется, она уже не ожидала от них огня — просто привычка проверять. — А Ноа велела отнести тебе одну новость. Очень громкую, судя по её лицу.

— Капитан, — сказал я. — Он с нами.

— С нами, — повторила Элисса так, словно пробовала слово на зуб и нашла его тухлым.

— Адельфорд Штайн, — добавил я. — Вчера отказывался назвать имя. Сегодня сам протянул руку в железной перчатке и сказал: «мне нужна твоя помощь». Помощь в освобождении. От порядка. От церкви и от Ворча.

Элисса молчала так долго, что я успел рассмотреть её руки — обветренные, в зелёных пятнах сока, пальцы обмотаны тряпками. Работа с травами оказались не легче шахтной.

— Человек, который таскал нашу сумку по приказу Ворча, — наконец сказала она, — который не дал мне даже имени, хотя я смотрела ему прямо в глаза... теперь «с нами»? За день, Зейн. За один день.

— Знаю.

— Ты знаешь. И всё равно пожал ему руку.

— У него в голове что-то щёлкнуло, — я услышал, как фальшиво это звучит, и всё-таки договорил. — Он увидел сестру в тебе. И вспомнил, что он рыцарь.

— Щёлкнуло, — Элисса усмехнулась без веселья. — Люди не щёлкают, Зейн. Люди ломаются. Медленно. Или их ломают. — Она понизила голос ещё сильнее. — Он спросил про меня? Ноа сказала — он спросил, почему я не пришла.

— «Девчонку не привела?» — кивнул я. — Дословно.

— Значит, он хотел меня видеть. — Она смотрела куда-то в глубину прохода, и по тому, как сжались её обмотанные пальцы, я понял: для неё это было не приятное известие. — Меня. Которую он отвергнул ещё позавчера. Либо ты ему нужен больше, чем я думала... либо ему нужен кто-то, кто уже видел его вблизи.

Я не знал, что ответить, и не стал. Она права была в том, чего я не понимал сам.

— Теперь моя очередь, — Элисса развернула корзину. Между склянками, обложенные мхом, лежали пучки трав — и среди них я узнал его сразу, по серо-голубому налёту на стеблях. — Синий лишайник, — сказала она и подмигнула мне: она видела, что я узнал. — Тот самый. Из дневника. Верта варит снадобья из него целыми котлами. Каждый день. И отправляет вниз — к больным.

Кусок сыра, который я ещё держал, сделался во рту мелом.

— Шалфей и синий лишайник, — произнёс я тихо. — Лечится не сложно. Отец писал так: не сложно. А Феринг только что рассказал мне, что не все справляются. Он видел, как выносили тела. Несколько. Своими глазами.

— Муж Верты не выжил после лечения, — ровно сказала Элисса. — Я говорила тебе это ещё вчера. Только вчера это была одна семья. А сегодня — статистика. — Она помолчала. — Верта варит то, что положено. Простое лекарство. И смерть приходит к тем, кто его пьёт. Значит, дело не в лихорадке, Зейн. Дело в том, что добавляют к лихорадке.

Вот она, мысль, которую я крутил один, за куском сыра. Только теперь она звучала из чужого рта — и от этого становилась тяжелее.

— Верта не говорила, что кладёт в зелья ещё что-то? — спросил я.

— Она почти не говорит. Три года варит и молчит. Муж умер — а она осталась варить. — Элисса покачала головой. — Это пугает меня больше всего остального. Храбрые уходят. Оставаться умеют только очень напуганные. Или очень сломленные.

— Значит, у нас день, — сказал я, чтобы вернуть разговор из темноты, куда он скатывался. — Сегодня второй. Завтра Ворч объявит Тоби здоровым и выпустит из отсека. Или не выпустит.

— Или выпустит уже другим, — Элисса вздохнула и начала складывать обратно пустые склянки, не глядя на них. — Хорошо. Тогда так: до вечера ты узнаёшь у своего рыцаря, что за план, раз он обещал «обсудить позже». А я к утру узнаю у Верты, что она кладёт в котёл сверх рецепта. Она мне доверяет — я ей руки мою и лузгу чищу. Три года её молчания должны кончиться.

— Ты вызываешься влезть к ней в котёл?

— Я вызываюсь влезть к ней в разговор, — поправила она. — В котёл потом.

Из дальнего угла донёсся знакомый окрик:

— Малой! Ты чего там расселся, перерыв кончился десять минут как!

Элисса поднялась, подхватила корзину и уже собиралась уйти, но остановилась.

— Адельфорд Штайн, — повторила она, будто взвешивала имя на ладони. — Запомню. Я не забываю тех, кто смотрит мне в глаза и врёт.

Она пошла прочь, и только когда её силуэт скрылся за поворотом, я понял, что не сказал ей главного: капитан спросил про неё не с любовью и не с заботой. Я слышал голос за забралом. Там было что-то ещё — то же, что в вопросе «надеюсь, он не спрашивал про меня?». Страх.

— Иду, иду! — крикнул я, поднимаясь, и запихнул остатки свёртка в карман.

Кредит деда всё ещё ждал оплаты. Только теперь я знал, что плачу не словом о хорошем начальнике — я плачу доступом. И чем ближе вечер, тем дороже он будет стоить нам всем.

Глава 10. Отцы и лебеди

Глава 10. Отцы и лебеди

— Знаешь, а ведь у меня есть сын. – во время работы Феринг говорил немного, но иногда его пробивало на разговор. – Балетом хотел заниматься. Тьфу. Не мужское это дело.

Мы прокладывали новый коридор в обход того, что недавно завалило, и присели на очередной перерыв.

— Труа! – невольно выпалил я и спохватился.

— Да, он постоянно повторял эти свои: ан, дю, труа. – дед сплюнул. – как будто считал до трёх.

Феринг либо меня не расслышал, либо Труа было прозвищем, но возникшая мысль вертелась в голове как назойливый танцор.

— Еще и дружков завел таких же. – Феринг продолжал вспоминать. – Один толстый, что боров. А другой вообще на крысу похож.

— А давно вы видели сына? – я ухватился за ниточку, которую подкинул сам Феринг.

— Да уж давненько. – вздохнул дед. – Лет десять как. Я тогда здесь уже работал. А он с детства хотел танцевать.

— А знаешь, с чего всё началось? — дед усмехнулся в бороду. — Ходил он в детстве, как я. Соха сохой, спина колом, сапоги волочит. Весь в отца. А потом повёз я его в город, на ярмарку. Там поют, девчонки косы распустят — и вдруг глядит на меня и говорит: «Тятя, а я так же хочу». Вся походка на ладони легла, будто и не была в нём моя кровь. С тех пор и мечтает.

Я молчал. Дед швырнул камешек в стену и сплюнул.

— Жена-то смеялась. Говорит: твой выкормыш. А он и правда мой. Одно в нём моё — упрямство.

— Он тоже здесь жил? – продолжил напирать я.

— Нет, он родился далеко на востоке. – покачал головой дед. – Мы тогда с женой отправились в путешествие по миру. Пока одно, другое, жена ушла, а я пришел сюда.

— И вы хотите его увидеть? – я копнул глубже.

— Даже не знаю. – дед выпрямился. – Кто знает, где он сейчас и помнит ли меня вообще.

Я знаю где он. Он бродит неподалеку со своими дружками. Предостережение Труа больше не звучало шуткой.

— Слушай, дед. – я решил дать ему надежду. – Видел я одного танцора. Всё крутился в трико. И с ним ещё двое, толстый и тощий.

Повисла тягучая тишина. Даже звуки ударов о камни затихли. Единственным звуком, который я слышал, было судорожный вздох Феринга.

— Жив значит, черт крутящийся. – наконец выдохнул дед. – Ну ладно, пора за работу.

Он вытер рукавом лицо и пошел за киркой.

«Навяжи ему сделку.»

Мой внутренний демон впервые заговорил со мной за последний день.

«Что?»

«Сделку. За информацию должны платить.»

«И что мне ему предложить?»

«Не предложить. Потребовать.»

«Что именно?»

«Ты дал ему информацию. До конца дня пусть тебя не ищет.»

«Зачем?»

«Я чувствую, что тот в доспехах ждет тебя.»

Я не хотел доверяться этому чувству, но сопротивляться было тяжелее.

— Феринг! – всё-таки решил я его окликнуть. – Я отойду. Мне тут нужно.

— Не видал я тебя. Чего спрашиваешь-то? Иди.

Не веря в такую удачу, я быстро пронесся мимо деда и других рабочих. Теперь нужно найти капитана, время работало против меня. Если сутки в катакомбах повторяли сутки снаружи, то завтра Ворч должен поставить Тоби на ноги. Главное – не попасться стражникам.

Минуя коридоры, в которых слышались разговоры я быстро вышел к помещению спален. Сейчас здесь был только запах соломы. Двое стражников, встретившихся мне на пути, сперва преградили мне путь, но их окликнул третий, показавшийся из бокового хода, и меня оставили стоять на месте.

— Стой здесь, и никуда не уходи. – тяжелым басом проговорил один.

— Если уйдешь – хуже будет. – вторил другой.

«Ага, ну а как же.» Промелькнула в голове мысль, и я просто пронесся дальше.

— Стой, щенок! – слышалось позади меня, но я уже свернул за угол.

Теперь, находясь в зоне спален я мысленно повторял свой утренний маршрут. Ноа привела меня к капитану, значит скорее всего, если идти этим же путём, я найду его.

— Попался! – в проходе возникли двое в доспехах. – Убегать вздумал?

Стражники догнали меня и всё что я мог сделать – это сдаться. Двое приближались ко мне, не оставляя пути к спасению. Правый держал в руке широкий меч, а левый булаву.

«Используй меня!»

Демон внутри перешел в наступление. Я почувствовал, как мои руки наливаются теплом, но не знал, что именно делать.

«Ты уже знаешь, как.»

Я сдался демону. Выставив вперед правую руку и молясь, чтобы всё получилось, я щелкнул пальцами. Из руки вырвались не искры и даже не пламя свечи. Это было словно маленькое солнце, которое неторопливо направлялось строго в стражника с мечом. От неожиданности он даже остановился и посмотрел на своего коллегу. Тот тоже в ступоре стоял и прикидывал, что это такое.

«Ещё раз. И закрой глаза.»

Демон потребовал нового щелчка, и я, повинуясь его словам, щелкнул. Летевшее в стражника солнце вспыхнуло, озарив ярким светом помещение. Оцепеневшие стражники попытались прикрыться, но яркий свет всё равно был сильнее рук. Секунда, и свет погас. Стражники, стоявшие передо мной, ничего не видели. Привыкшие к полумраку, они словно слепые котята пытались найти меня, то и дело сталкиваясь друг с другом.

Я всё ещё стоял с закрытыми глазами. Оранжевый след прожёг сетчатку насквозь, и мне казалось, что я не перестал видеть — только теперь перед глазами был тот самый свет. Тепло дохнуло в лицо, как из открытой печи.

Зато звук я слышал весь, до последней капли: вскрик, звонкий лязг доспехов о доспех, глухой удар — кто-то врезался в стену, — и перекат железа по камню. Булава.

Я открыл глаза. Два тёмных силуэта качались передо мной, выцвеченные до красных пятен. Ладони горели, будто я держал их над углями, а пальцы дрожали мелко-мелко и не слушались. Я не знал, что страшнее: то, что я только что сделал, или то, как легко у меня это вышло.

Демон молчал. Счет пошел на секунды. Как только зрение вернется – мне не жить.

«Бам». «Бам».

Я не расслышал ни единого шага. Только два глухих удара — и всё. Капитан вырос из темноты так бесшумно, будто стоял здесь с самого начала. И, наверное, стоял.

Двое стражников лежали на соломе неподвижно.

— Ну зачем же так неаккуратно? – Штайн почесал подбородок. – Хорошо, что тебя видели только эти двое.

— Что с ними? — спросил я то, что боялся услышать.

— Пусть поспят, — коротко ответил Штайн, и оттащил тела в угол. — За мной.

Я ещё раз глянул на лежавших — и пошёл следом.

Доспехи Штайна глухо позвякивали в шаге передо мной. Он шёл ровно, без спешки — человек, которому некуда торопиться, потому что весь этот подземный мир и так ходит за ним по кругу. Факелы выхватывали из темноты то край завала, то пустую нишу, то знакомый поворот, за которым утром меня вела Ноа. Тогда я ещё не знал, что ведут меня именно сюда.

Я набрал воздуха.

— Когда они придут в себя – будут меня искать.

— Будут, - кивнул капитан. – Но до утра они не очнутся.

— А третий? Он тоже видел, как я убегал.

— Третий тоже устал. – ответил Штайн. – Он прилёг отдохнуть в коридоре.

— Отдохнуть, — повторил я. — Как эти двое.

Штайн ничего не ответил, но шаг его, кажется, стал чуть пружинистей.

— Вы ведь всё видели, — сказал я капитану в спину.

Шаги не сбились.

— И молчите, — добавил я, когда стало ясно, что ответа не будет.

— Видал, — отозвался Штайн через поворот. — И молчу.

Он не обернулся. Мне показалось, что за этой немногословностью прячется больше, чем дал бы любой допрос. Демон за всю дорогу не подал ни звука — впервые за день тишина в моей голове была тягучей, как смола в колодце.

Штайн остановился перед знакомой дубовой дверью.

— За мной, — повторил он, толкая дверь.